

Эль Верж

**СКВОЗЬ ТУМАНЫ
СИНИЕ...**

Эль Верж

Сквозь туманы синие...

«Издательские решения»

Верж Э.

Сквозь туманы синие... / Э. Верж — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835822-7

Флора и Олав живут рядом и в тоже время так далеко друг от друга.
Случайная встреча на запретной территории потрясла их до глубины души.
Любовь вспыхнула на грани миров. Но смогут ли они быть вместе, когда ВСЕ
и ВСЕ против их союза?

ISBN 978-5-44-835822-7

© Верж Э.
© Издательские решения

Содержание

Часть Первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	21
Глава 8	27
Глава 9	32
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сквозь туманы синие...

Эль Верж

© Эль Верж, 2016

ISBN 978-5-4483-5822-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть Первая

Глава 1

Он лежал на спине, раскинув распухшие, в черных, страшных пятнах руки по пыльным плиткам пола. Его лицо раздулось до невероятных размеров и приобрело синюшный оттенок. Он лежал, и, казалось, смотрел остекленевшими, как у куклы глазами, прямо на меня.

Я ужасно разозлилась, и чуть не пнула его ногой:

– Ну, какого черта он умер именно здесь! – Выругалась я про себя, но все же сдержалась от вандалических действий. А голос совести строго сказал мне, что бедняга ни в чем не виноват. В конце концов, никто сам не выбирает место, где умереть. Смерть оставляет выбор за собой... Разве что самоубийцы умудряются обхитрить старуху с косой. Этот труп на самоубийцу был не похож. На чью-то жертву тоже. По крайней мере, на его теле не было никаких следов насилия... А это означало – неделя в изоляторе...

– Может, уйти отсюда поскорее и ничего никому не сказать? – Мелькнула у меня преступная мысль. Но чувство долга пересилило. Я вышла из подъезда, захлопнув дверь ногой.

И почему вместо того, чтобы пойти, как все, в ближайший трактир поесть, я опять прокрадывалась в заброшенную часть города?

– Это все Поинка! – Нашла я виновного. – Зачем она накормила меня с утра так, что до сих пор кусок в горло не лезет?! Сто раз ей говорила «Клади мне порцию поменьше! Я ведь не бегемот!» А она неизменно отвечала:

– Кушай, деточка, кушай – вон какая худющая, того и гляди, зараза к тебе прицепится!

– Ох, и задам я этой Полине! – Зло бросила я, зная, что и слова не скажу добрейшей тетушке Полине, практически заменившей мне и братьям мать.

Был отличный октябрьский день. Солнце нежаркими лучами освещало старый заброшенный двор. Эх, нужно минут двадцать тащиться до ближайшего телефона! Мне еще повезет, если он работает. Говорят, раньше телефон можно было носить в кармане. Он был совсем маленький, без проводов. Вот красота-то! Взял и позвонил. А теперь... Теперь по всему городу осталось десяток телефонных будок для связи с оперативными бригадами. Дома даже у нас телефона не было. Папочка обходился курьерами. Я прибавила шаг – времени у меня оставалось совсем немного. Каждый житель, обнаруживший в городе труп должен был в течение сорока минут сообщить в очистительную бригаду. Наконец-то! Жилая часть города! Телефон в старой, с выбитыми стеклами будке, на мое счастье, работал. Я набрала всем известный номер – 333.

– Очистительная бригада! – Устало произнес мужской голос.

– Добрый день! – Машинально сказала я и мрачно добавила про себя: – Был добрым.

– Слушаю! – Раздраженно повторил голос.

– Труп в районе разрушенного дворца...

– Адрес! – Рывкнул дежурный. А вот адрес-то я и не посмотрела. И как я забыла это простое правило? Это грозило арестом на трое суток.

– Кажется, это была улица, начинавшаяся с буквы М..., – промямлила я.

– Вы не посмотрели адрес? – Вкрадчиво начал мой собеседник. – А Вы знаете, чем это грозит?

– Знаю, трое суток... – Уныло ответила я.

– Десять! С сегодняшнего дня десять! – Торжествующе зарычал в трубку дежурный. Видимо, единственным его развлечением в последнее время было запугивание людей. – Имя! Фамилия!

– Флора... Берсенева! – Чуть ядовито ответила я. Результат оправдал все мои ожидания. Сначала в трубке воцарилось молчание, а потом раздалось легкое покашливание.

– Кха... Кхе... Флора Дмитриевна. Не будете ли Вы столь любезны, проводить туда нашу бригаду? – Залебезил он.

– Это мой долг! – Холодно заметила я. – Буду ждать очистительную бригаду около входа, разрушенного дворца. – Сказала я и повесила трубку. Нужно было идти обратно.

– Может, позвонить на работу и предупредить, что сегодня я уже не приду? – Мелькнула у меня мысль, но я передумала. – Было приятно доставить Красавчику хоть какое-то беспокойство! В последнее время он стал мне сильно надоедать.

Когда я дошла до бывшего дворца, бригады еще не было. Я села на усыпанные желтыми листьями ступеньки. За спиной возвышалась бетонная громада дворца. Все окна и стеклянные двери были давно разбиты, и от этого здание выглядело особенно мрачно. Это был заброшенный район... Напротив стояли пятиэтажки облезлые от дождей и времени, с пустыми глазницами – окнами. Ветер заунывно пел в темных коридорах и пустых квартирах, с грустью вспоминая то время, когда здесь жили люди.

С центральной улицы Ленина, которая теперь упиралась прямо в заброшенный район, послышался шум мотора, и через пару минут передо мной остановилась древняя «Газель», выкрашенная недавно в черный цвет – символ очистительной бригады.

– Дверь открылась, и я села рядом с водителем и начальником бригады – огромным детинкой со свирепым лицом. Если бы он не был моим старшим братом, я бы, наверное, умерла от страха. Но, зная брата, я испытывала лишь досаду и раздражение – долгих нравоучений было явно не избежать.

– Далеко ехать? – Почти закричал он, не глядя на меня.

– Нет. Всего пару домов. – Я показала, где остановится, и провела сотрудников бригады (их было всего семь человек) к подъезду.

– Это здесь... Он лежит на площадке третьего этажа... Можно я туда не пойду? – Просительно протянула я.

– Семен, Петр – доставить труп, – остальным осмотреть все подъезды в доме. – Приказал братец. Его приказы исполнялись моментально. Через мгновение мы остались во дворе одни. Тишину нарушало лишь шуршание опадающих листьев. Андрон сурово посмотрел на меня, нервно помахивая черной кожаной перчаткой, которую только что снял с руки.

– Ну? – Спросил он, когда понял, что я не собираюсь начинать разговор.

– Что, ну? – Глупо переспросила я, стараясь как можно дольше тянуть время. При подчиненных брат не будет устраивать взбучку.

– Отвечай, какого черта тебя опять понесло в запретную зону?! Сколько раз тебе отец говорил, чтобы ты здесь не шлялась! – Взорвался он.

– Не кричи, на меня! – Тихо, но твердо сказала я. – Я уже давно не маленькая девочка и меня не нужно опекать.

– Ты же знаешь, что ходить в заброшенные районы запрещено! Зап-ре-ще-но! Отец сам издал этот закон! А ты, его дочь, нарушаешь этот закон! Подрываешь авторитет отца! Ты... Ладно, разберемся после. – Угрюмо сказал он, увидев, как из дома выходят два черных силуэта с носилками в руках.

Все сотрудники очистительной бригады носили униформу: черные комбинезоны, на голове – облегающая шапка и маска с прорезями для глаз, плотно закрывающая лицо. Эти костюмы после каждой «очистительной» миссии чем-то дезинфицировали, поэтому они всегда неприятно пахли. Семен и его напарник погрузили свою ношу, завернутую в целлофан в машину. Вскоре появились остальные:

– Все чисто. Больше никого нет. – Ответил один из них.

– Что у Вас? – Обратился Андрон к Семену и Петру. – Какова причина смерти?

– Неизвестно. Следов насилия не обнаружено. Лежит он уже дней пять... Может быть опять... – Семен не закончил.

– Надеюсь, что нет... – Проскрипел зубами Андрои – Ладно, поехали!

Мне ужасно не хотелось ехать в одной машине с трупом.

– Может, я пешком? Тут, наверное, будет тесно? – С надеждой спросила я.

– Садись! Поедешь с нами в контору – писать объяснительную, а потом в изолятор! – Прорычал Андрон. Он умел нагонять страх. Многие его боялись, а я – нет. Но спорить было бесполезно. Я покорно влезла в машину и высунула голову в окно, чтобы не чувствовать этот сладковато-тошнотворный запах гнили, который уже успел наполнить салон старой «Газельки».

Глава 2

– Ты считаешь, что это объяснительная записка? – С издевкой спросил меня высокий мощный мужчина с пышной темно-коричневой шевелюрой, местами побеленной сединой и кустистыми черными бровями.

– Там же сверху написано: «ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА». Крупными буквами, кстати. – Заметила я.

– Не паясничай! – Прикрикнул он. – Здесь написано: «В обеденный перерыв я решила прогуляться и забрела в заброшенный район» Ты же знаешь, что это запретная территория!

– Но ведь нет никаких ограждений! Где заканчивается жилая зона и начинается заброшенная? – Лукаво спросила я.

– Скоро везде поставим барьер. На это требуется время... – Проворчал мой отец. – Но и так каждый школьник знает границы жилых районов! Это даже в школе на уроке проходят!

– Я давно окончила школу, забыла...

– Но зачем тогда ты зашла в этот дом? Зачем тебя туда понесло? Этого в записке ты не удосужилась объяснить!

– Я захотела в туалет. На улице это как-то неприлично, а во многих домах сохранились даже унитазы! – Невинно ответила я. Мне что, написать об этом в записке?

– Нет! – Проревел папуля. И почему все мужчины в нашей семье только кричат или рычат? Наверное, это наследственное. – Неделя в изоляторе и десять дней в тюрьме за нарушение закона! Все! Иди в коридор. Подожди там. За тобой скоро придут. Я вышла. На деревянной скамейке сидела стройная женщина в потертых джинсах и куртке. Серебристо-седые волосы были собраны в пучок на затылке.

– Бабуля! – Обрадовалась я. – Ты здесь!

– Я принесла тебе кое-какие вещи. Они тебе понадобятся. – Она протянула мне холщовую сумку-рюкзак. – Пойду теперь к твоему отцу, может, удастся смягчить его. Но честно признаться, надежды на это у меня почти никакой нет. Он сильно зол на тебя Флора...

– Не переживай! Все хорошо. – Заверила я бабушку. Она поцеловала меня в щеку и скрылась за тяжелой деревянной дверью кабинета отца.

Бабуле было семьдесят три, но выглядела она на пятьдесят. Многие считали, что она моя мама.

– Нет! – Донесся из-за двери громовой голос отца. – Это невозможно! Она нарушила закон! Даже не проси! – Вдруг его голос стал намного тише. – Я еле расслышала, что он сказал:

– Это все я виноват, старый осел, что она теперь такая... странная. – После паузы выдавил из себя он. – Помнишь, ей было, три месяца, я нес ее на руках, споткнулся и уронил? Наверное, у нее что-то в голове повредилось... – Надтреснутым голосам закончил он.

– Не говори глупостей! – Серdito прервала его бабушка. – Флора вполне нормальная девочка...

– Девочка! – Горько сказал отец. – В таком возрасте у ее матери было уже пятеро детей! А ты девочка... Ей скоро двадцать семь будет!

– Это еще не старость. Каждому свое время...

– И все-таки с ней что-то не так. Слышал, что ее в городе уже называют безумная Флора!

– У меня, кстати, вообще за всю жизнь только ты был! Может, дорогой Димочка, ты и меня в сумасшедшие запишешь? – Сладким голосом пропела бабуля, от которого я уверена отец побледнел и вообще сильно пожалел, что начал весь этот разговор. Бабушка решила не уничтожать единственного сына, поэтому будничным голосом сказала:

– Ерунда! Это из-за того, что она ездит на первом наружном сиденье в этих нелепых автобусах. На этих местах ездят только отъявленные шалопаи и наша Флора. Просто бесстрашная девочка. – Явно не без удовлетворения dokonчила бабуля.

– Руки бы оторвал этому умнику-конструктору, если бы он не был единственным толковым механиком в городе. Ну, какого черта, извини за выражение, он приделал сиденья снаружи? Я еще могу понять на крыше, по бокам автобуса, но спереди? На капоте? Чтобы если оно отвалится, беднягу сразу переехало? Если это когда-нибудь случится с Флорой, я сделаю из него фарш и собственноручно налеплю котлет.

– Димочка, ты же сам просил Караськова максимально увеличить количество посадочных мест. – Примирительно сказала бабушка.

– Откуда я мог знать, что он решит это проблему таким диким способом? – Проворчал папа. – Теперь эти сиденья уже не убрать. Многим олухам по душе такое лихачество. Возмущаться будут. Может запретить женщинам там ездить?

– Что ты! Это же дискриминация! В сущности, из женщин там ездит только наша Флоруся. Но если ты официально запретишь дамам садиться на передние сиденья, возмущаться начнут даже те, кто и под страхом смерти не сел бы на эти места. Ты же сам знаешь наш народ.

– Знаю... – Дальше подслушать разговор мне не удалось. За мной пришел худой, как палка и бледный, как привидение охранник из изолятора.

– Пройдемте со мной. – Сказал он бесцветным голосом. Я вскинула сумку-рюкзак на плечо и безропотно последовала к месту своего заточения...

Изолятор стоял на пустыре – унылое трехэтажное здание – с толстыми решетками на окнах, мощными дверями и множеством маленьких комнаток. В этих каморках запирали несчастных, которых подозревали в носительстве инфекции. Изоляция длилась неделю. Если симптомы не проявлялись – повезло. Счастливчик выходил на свободу. В противном случае, он уже никогда не покидал мрачных стен. Поговаривали, что несчастных бросали в печку еще живыми. Но мне все же хотелось верить отцу, который утверждал, что это не так.

Когда с металлическим лязгом за мной закрылась железная дверь каморки, в которой мне предстояло провести неделю, я ощутила ледяной страх, медленно проползший по спине. Ведь это могла быть последняя неделя моей жизни...

Глава 3

Комната изолятора была так узка, что я, раскинув руки, могла дотронуться кончиками пальцев до противоположных стен. От двери до маленького зарешеченного окна было метра четыре. Вся обстановка состояла из узкой кровати, покрытой серым, местами протертым до дыр шерстяным одеялом и крохотного стола с шатающимся деревянным стулом. Занавесок на окнах не было. Я опустилась на кровать – та жалобно скрипнула. Развязав шнурок на сумке, я заглянула внутрь: баночка с земляничным вареньем, свежие булочки, зубная щетка с баночкой самодельного зубного порошка и моя любимая книжка – «Малыш и Карлсон». Эта книга сопровождала меня с детства. По ней я научилась читать. Теперь я знала ее почти наизусть. Собственно говоря, это была единственная книга у нас в доме, если не считать старых справочников по дезинфекции. Бабушка всегда знает, что положить. Если все-таки эта неделя окажется последней и мне будет не суждено больше увидиться с семьей, книга скрасит мое одиночество.

Я подошла к окну. Солнце перезрелым апельсином упало за безжизненные, хмурые «высотки» на окраине города. За пустырем стояли темные силуэты домов. В центре города теперь никто не жил. Здесь были только конторы, склады и кое-какие мастерские. Когда-то огромный, цивилизованный город медленно разрушался и умирал. Число жителей с двух миллионов сократило до пятидесяти тысяч в верхнем городе и примерно двадцати пяти тысяч – в нижнем. Но давайте все по порядку. Мне вдруг пришло в голову записать на бумаге все то, что я знала о страшной катастрофе, произошедшей на планете более пятидесяти лет назад. Возможно, я единственная, кому пришла мысль запечатлеть на бумаге события тех кошмарных лет, которые практически опустошили нашу планету. Все это я узнала от бабушки, которая была очевидцем катастрофы. Я взяла несколько помятых тетрадных листов, которые нашла в книге и достала из кармана шариковую ручку. Пристроилась около стола, немного подумала и начала писать:

– Эпидемия началась пятьдесят семь лет назад. Марине Сергеевне, или попросту Мариночке шел восемнадцатый год. Она только что с отличием окончила школу и собиралась поступить в медицинский институт, чтобы посвятить себя непростой профессии врача. Стояло жаркое лето 2055 года, когда из-за океана начали поступать тревожные вести. Сначала в одном из американских городков, затерявшемся где-то в глубине континента умерло несколько человек. Точный диагноз врачи установить так и не успели, потому что через неделю эпидемии охватила уже оба американских континента, а через месяц из-за океана перестали поступать какие-либо известия. Паника охватила мир. Тем временем «зараза» успешно пересекла Атлантический океан и Тихий, и начала успешное наступление на Старый Свет. Люди умирали миллионами. Целые мегаполисы за день превращались в гигантские кладбища. Распространению инфекции способствовала невыносимая жара, которая поспособствовала невероятно быстрому таянию льдов. Последняя новость, которую слышала юная Мариночка – «Вследствие резкого поднятия уровня Мирового океана под воду ушли ряд стран...» На этом радиовещание прервалось, и известия полностью прекратились. Ничего не было слышно и из нашей столицы. Правительство хранило гробовое молчание. Впрочем, никто и не знал, существовало ли какое-нибудь правительство, и где был Глава государства. Ближе к осени инфекция дотянула свои щупальца и до границы Европы и Азии. Смерть пришла в столицу Урала. За пару дней от почти двухмиллионного города осталась лишь небольшая группа людей. Трупы лежали везде – в домах, на улицах, в магазинах. Те, кто был еще жив, закрылись в домах и обреченно читали молитвы, в страхе ожидая, когда настанет их час. Но что-то произошло. Эпидемия прекратилась. Что остановило ее опустошающее, победоносное шествие? Возможно, холодное дыхание осени, как всегда неожиданно пришедшей на Урал, а, может, возымели действие страстные молитвы горожан. Никто не может дать ответа на этот вопрос и сейчас...

Оставшимся в живых – в городе их насчитывалось не более двадцати тысяч, нужно было как-то жить дальше. В городе не осталось никакой власти: ни законодательной, ни исполнительной. Ничего. Только горы трупов.

Сначала люди хотели покинуть обитель смерти и начали спешно уходить, надеясь найти где-то лучшее пристанище. Но на дорогах им встречались путники, бежавшие из других городов и деревень. По их словам везде было одно и то же – смерть. Смерть, которая во многих местах еще свирепствовала с прежней силой... Люди решили вернуться в город, очистить его от трупов и попытаться вернуть к жизни... Согласились почти все. Ведь идти все равно было некуда. А там, позади, был дом. Сколько люди приложили усилий физических и душевных, я могла только предположить. Когда рассказ бабушки доходил до этого места, она всегда словно каменела и замыкалась в себе, а спустя какое-то время переходила к другому эпизоду, пропустив страшные воспоминания. Я знаю лишь, что трупы на грузовиках отвозили подальше от города и сжигали на огромных кострах, которые горели день и ночь. Дым и чад были непереносимы. К счастью, ветер тогда дул в противоположную от города сторону. За три с половиной месяца город был очищен. Стали думать, как жить дальше. В человеческом обществе всегда находится предводитель.

Нашелся и тогда, да не один, а целых два. Один из них – Константин Камнев предлагал возродить былые технологии, особое внимание уделить изучению инфекции и разработке вакцины. Другой же напротив предложил как можно скорее позабыть все губительные достижения прошлого и перейти, как он выразился к «натуральному» хозяйству. Как ни странно, но многие поддержали именно его. После всех событий большинство верили, что эпидемия – это кара за излишнюю «технологичность» Мой дед, а это был именно он, стал первым советником, два его двоюродных брата и друг – соответственно вторым, третьим и четвертым. Сторонники Камнева, которых набралось около десяти тысяч сначала хотели покинуть город, но Алексей Берсенов (мой дед) предложил Камневу занять все подземные и промышленные территории: метрополитен, тоннели, огромные территории заводов. Сторонники же деда, которых было большинство, жили наверху. Таким образом, существовало как бы два города – верхний и нижний Жизнебург. Дед предложил переименовать город, чтобы ничего не напоминало о прошлых временах.

Два города жили, да и сейчас живут мирно, хотя их жизнь пересекается только по необходимости. Мы берем у них кое-какие необходимые медикаменты, канцелярские товары, топливо, а они у нас – некоторые продукты. У Нижнего Жизнебурга были свои поля за городом, но народу там работало немного, поэтому собственного продовольствия не хватало. Жизнь обоих городов понемногу налаживалась. Но жители не забывали о страшной эпидемии и строго наблюдали, не появится ли инфекция вновь. Была создана специальная очистительная бригада, которая отслеживала единичные случаи инфекции. Теперь инфекция ослабла, но она все еще время от времени уносит человеческие жизни, до сих пор вселяя ужас...

Вот я и закончила свое небольшое повествование. Несомненно, его нельзя назвать историческим или литературным трудом, но, возможно, историкам далекого будущего эти несколько листов бумаги, исписанных моим неровным почерком, прольют свет на прошлые времена, и им не придется гадать, почему так быстро опустела наша планета...

Глава 4

Сумерки вползли в комнату, но свечу мне никто не принес, еды тоже не предвиделось.

– Надеюсь, они тут не морят людей голодом? – Пронеслось у меня в голове. Но я тут же успокоилась. Дочке советника, пожалуй, не дадут умереть с голода. Папа хоть и вспыльчив, но отходит быстро. Теперь, наверное, бедный переживает, как я тут, что со мной... Не смотря на то, что он суров, он все же любит меня. Я ведь его единственная дочка. Остальные четверо детей – сыновья. Так что если инфекция минует меня, то будет все в порядке. Я поужинала булочками, которые мне передала бабушка, и легла спать. Но сон никак не хотел принимать меня в свои сладкие объятия. Комната окончательно погрузилась во тьму. Не смотря, на свой солидный возраст, я до сих пор побаивалась темноты. Дома я не боялась. Там было много народа. С одной стороны была комната Андрона, с другой папочки, а на первом этаже, на кухне почти до самой ночи по-домашнему гремела сковородками Полина. А здесь была тишина... Мертвая тишина... Мне стало казаться, что все на земле давным-давно умерли, и я осталась одна. Это были опасные мысли. Еще пару минут, и я могла бы постыдно завывать от ужаса. Тогда точно детишки на улице будут показывать на меня пальцами и кричать: «Безумная Флора! Безумная Флора!» Нет, ни папочка, ни кто-либо другой из моего многочисленного семейства не заслужил такого позора...

– Нужно держать себя в руках! – Приказала я себе и забралась с головой под одеяло. Невзирая на то, что от враждебного мира меня отделяло лишь протертое до дыр одеяло, мне стало гораздо спокойнее. Но уснуть я все равно была не в состоянии. Мысли плавно перетекли к размышлениям о прожитой жизни. Наверное, всегда, когда остаешься наедине с собой начинаешь задумываться о прожитых днях.

Мои годы незаметно подкрались к двадцати шести, а через пару месяцев мне должно было исполниться двадцать семь. «Если, конечно, доживу». – Пронеслась шальная мысль.

– Прочь эти мысли! Я еще и сотый день рождения отпраздную! меня еще будет время реализовать себя, стать кем-то! А сейчас я была просто Флорой – перерзрелой дочкой городского советника со странным именем. Безусловно, то, что я являлась дочкой советника, была не моя заслуга. Просто мне повезло. А Флорой меня назвала мама. Имя мне нравилось – оно отдавало свежим ветром, зелеными лугами и прохладной рекой. Но нередко я завидовала девочкам с обычными именами, вроде Надежды или Екатерины. Непросто было жить с таким именем, особенно в детстве. Однажды умник с соседней улицы наткнулся в старом словаре своего папаши на слово «флора» и узнал, что оно означает совокупность трав. После этого все окрестные мальчишки, заведя меня на улице, сначала горланили:

– Трава идет! Трава идет!

Потом как-то незаметно перешли на «водоросль». Я перестала выходить из дома. Тогда ватаги сорванцов собирались под моим окном и орал:

– Выходи водоросль, мхом покроешься!

– Не знаю, чем бы это все закончилось, если бы не бабушка. Однажды, во время очередного сборища, она поймала за шиворот пару мальчишек и привела на кухню. Там кашеварила Полина – варила вкусный мясной суп. Бабуля подозвала оробевших ребят к большой кастрюле и пообещала, что если еще хоть раз увидит их под окнами, то они непременно станут «мясом» для очередного бульона. Бабушкина шутка подействовала. Мальчишки стали обходить наш дом за несколько кварталов. Правда, девчонки тоже сторонились, меня, поэтому подруг у меня не было. Впрочем, мне вполне хватало братьев, бабушки, Полины и книги о Малыше и Карлсоне. Мне недоставало лишь мамы. Я до боли в сердце завидовала ребятам, у которых они были. Я довольно плохо помню свою мамочку. Она ушла, когда мне едва исполнилось три года. Мама записалась добровольцем в экспедицию, которая отправлялась

на поиски оставшихся в живых людей, после эпидемии. Возглавлял экспедицию Ледянщиков – ученый – не то географ, не то этнограф из Нижнего Жизнебурга. Цель экспедиции была – пересечь Европу, найти подходящее судно и отправиться в Америку. Отряд ушел. Ушел навсегда. Обратного никто не вернулся. Все, что осталось мне на память о человеке, подарившем мне жизнь – небольшая фотография, с которой весело улыбается темноволосая 27-летняя женщина. Говорить о маме строго воспрещалось. Отец и братья злились на нее за то, что она нас покинула. Когда папочка злился на кого-нибудь из детей, он кричал:

– Хочешь быть похожим на свою мать? Надеюсь, ее уже черви съели в Америке! – Тут он всегда делал паузу и продолжал как-то ядовито-удовлетворенно. – Нет! Такую бабу черви не съедят – отравятся! Не сомневайтесь, ваша мамаша нашла себе за океаном негра, и живет там с ним. И наплевать ей на всех вас. Эту фразу я слышала с тех пор, как стала понимать, что говорили окружающие. Сначала для меня это был лишь набор слов. Лишь спустя годы смысл начал вкрадываться в мое сознание. Сначала я поняла, что папа почему-то не хочет, чтобы мы были похожи на мамочку. Для меня это было странно. Ведь она была такая красивая на фотографии, которую мне дала бабуля, сказав мне ни в коем случае не показывать ее папе. Потом до меня дошло, что папа так не любит маму, что желает, чтобы ее съели черви. Это было ужасно! Едва услышав в детстве эти слова, я убежала в свою комнату и, заливаясь слезами, шептала: «Только бы ее не съели! Только бы мамочку не съели!»

Лет в пять меня заинтересовало, что же мама нашла такое интересное за океаном, что осталась там навсегда? Однажды во время очередной вспышки гнева у папы, я робко спросила:

– Папочка, что такое негр? – Папа разозлился еще больше и ушел к себе в комнату, хлопнув дверью.

– Должно быть, негр, это что вкусное. – Подумала я. – Вроде тех сладких конфет, которые мне изредка приносила бабушка. Пойду, спрошу у нее. Она, без сомнения, сможет мне сказать, что же такое «негр».

Бабуля сидела в общей комнате в старом кресле и писала план на следующий день. Она всегда составляла план на день, и в конце дня отмечала, что выполнила, а что нет.

– Бабушка, что такое негр? – Прямо с порога спросила я. Бабушка захлопнула блокнот и, вздохнув, посмотрела на меня.

– Опять папа ругался? – Спросила она.

– Угу. – Кивнула я головой.

– Негр, Флоруся, это такой же человек, как ты или я, только черный.

– Потому что он долго не мылся?

– Вовсе нет! – Рассмеялась бабушка. Просто у него от рождения черная кожа. Такие люди жили в основном в Африке, Америке и некоторых других странах. У нас, их можно было увидеть очень редко.

– Почему мамочка не хочет возвращаться к нам? – Грустно спросила я. – Ей с негром веселее?

– Твой папа, Флоруся, говорит глупости! – С негодованием проговорила бабушка. – Если твоя мама могла бы вернуться, она это обязательно бы сделала! И знай, крошка, твоя мама – самая замечательная женщина, которую я когда-либо встречала! Моему сыну несказанно повезло, что он ее встретил... Хотя и ненадолго... – Как бы про себя закончила бабушка и опять открыла блокнот. Заметив, что я еще стою перед ней, она уже как всегда спокойным голосом сказала.

– Иди, Флоруся, поиграй. И не слушай, пожалуйста, глупости, которые говорит папа.

А совсем недавно я поняла, что за напускной ненавистью у папочки кроется надежда, что однажды мама вернется. Иначе, почему он не обзавелся новой хозяйкой? Ведь, когда мама отправилась в экспедицию, папе было всего тридцать четыре года! Но вместо новой хозяйки он привел в дом свою двоюродную сестру – старую деву Полину. Она воспитывала меня и вела

домашнее хозяйство. Сейчас, спустя столько лет, мы уже не представляли дом без Полины, а она не знала, что делать без нас...

– Все, пора спать! – Сказала я себе. – А для этого нужно что-нибудь посчитать в уме. Математические упражнения меня всегда неизменно усыпляли. Утомленная переживаниями сегодняшнего дня и математическими вычислениями, я вскоре уснула.

Глава 5

Утро было настолько хмурое, что в моей узнице было темно. Я еще немного полежала, тупо уставившись в серый потолок, как паутиной покрытый трещинами. Когда мне надоело это занятие, я встала и подошла к окну. Мелкий дождь тоскливо стучал по стеклу. Было скучно. Голова отяжелела, словно ее налили свинцом. В затылке пульсировала тупая боль.

– Уж не заболела ли я? – с ужасом подумала я. – В общем, скверное выдалось утро... В животе заурчало. Я съела последнюю булочку, но голод разгорелся еще сильнее.

– Будут меня, в конце концов, кормить! – Разозлилась я и уже хотела заявить о себе громким воплем и стуком в дверь. Но тут распахнулось маленькое окошечко внизу двери, и на полу появился поднос с тарелкой вареной картошки, куском ржаного хлеба, стаканом мутного чая и двумя таблетками.

– Ваш завтрак. – Сообщили мне из-за двери. – Таблетки – снотворное. Можете принимать по желанию. – На этом разговор был закончен, и дверца захлопнулась. Я быстро съела свой завтрак и задумчиво поглядела на таблетки – маленькие, ровные и белые. Я уже давно не видела таблеток. У нас они были редкостью. Обычно мы лечились травами и настойками. Медикаменты мы меняли в Нижнем Жизнебурге на продукты. Цена была достаточно высока, и лекарственный комитет выдавал их только в крайнем случае.

– Принять или нет? – Сидеть здесь, думать, думать и бояться или просто провести свое вынужденное заключение во сне? Больше я не раздумывала – быстро взяла с подноса обе таблетки и запила холодным безвкусным чаем. Снотворное не заставило себя долго ждать: минут через пять комната расплылась у меня перед глазами и я уснула...

Оставшиеся шесть дней я тоже почти все провела во сне. Просыпалась лишь поесть и совершить гигиенические процедуры.

На седьмое утро дверь моего изолятора распахнулась и немолодая женщина в сером халате сухим заученным тоном дежурно улыбнувшись, произнесла:

– Поздравляю! Вы успешно прошли изоляцию. Пройдемте к выходу!

Покачиваясь от долгого сна, я побрела за сотрудницей изолятора. Лишь пройдя по длинным узким коридорам за своей провожатой, я пришла в себя. Во мне все возликовало! Я здорова! И я уйду из этого мрачного обиталища. Я свободна! Свободна! – Нежным голосом пела радость, наполнившая до краев мое тело.

Но радовалась я раньше времени. На крыльце изолятора меня встречала неизменная бабуля и отряд ОПГ (охраняющий порядок в городе) во главе с Климентом – моим средним братом. Хотя я знала, что братья сами добились своего положения, и папа даже пальцем не пошевелил, чтобы им помочь, но все равно во мне шевельнулось какое-то неприятное чувство. Возможно, это была просто зависть. Я единственная из семьи прозябала на весьма заурядной должности – регистратора в отделе снабжения.

– Флора Дмитриевна Берсенева! – Отрапортовал зычно Климент. – За нарушение закона о непосещении заброшенных частей города вы приговариваетесь к 10 суткам лишения свободы. Следуйте за мной! – Он отвернулся и пошел по истрескавшемуся асфальту дороги через пустырь к железным воротам, отделявшим друг от друга два мира: жизнь – город и изолятор – смерть. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Краем глаза я увидела, как бабушка ободряюще мне улыбнулась. Позади меня раздались тяжелые шаги парней из отряда.

Мы уже почти залезли в потрепанный, насквозь проржавелый автобус, как затрещала рация. Еле слышимый голос диспетчера объяснил, что в жилом районе №3 завязалась драка.

– Федя, ты остаешься главным. Бери ребят и поезжай, разберись, что там случилось. Заключение я доставлю сам. – Приказал Климент. Через секунду автобус, подняв облако пыли, уехал, оставив меня с братом и бабушкой.

– Не унывай, Флоруся! – Улыбнулся мне Климент. Он был самым веселым из братьев и принимал меня такой, какой я была.

– Папаня уже почти на тебя не сердится. А отменить наказание, сама понимаешь – не может. Исключений быть не должно. Всего 10 дней. Переживешь?

– Разумеется! Теперь, когда я вышла из этого склепа, мне ничего не страшно! – Усмехнулась я. – В этом даже есть маленький плюс! Еще десять дней можно не появляться на работе – просто чудо! Климент, ты не представляешь, как мне осточертели эти карточки! Каждый раз переписывать одно и то же, одно и то же! – Возмутилась я. – Бабуля, расскажи пока мы идем до тюрьмы про компьютеры?

– Я же тебе, наверное, раз сто рассказывала! – Улыбнулась бабушка.

– Ну, расскажи сто первый раз! – Рассмеялась я. – Это была явно очень полезная шутка!

– Безусловно! Во времена моего детства и юности люди не могли без них обходиться ни дня. Дома, на работе, в магазинах – везде были эти машины.

– Я тогда была слишком молода и, честно признаться, слабо разбиралась в устройстве компьютера. Я и мои друзья называли его сокращенно – комп.

– Какие они были? – Спросила я, хотя уже дословно знала, что ответит бабушка. – Сначала они были огромные, и занимали, бывало целый дом. Но это было очень давно. В мое время компьютеры стали маленькими. Например, у меня был он чуть больше твоей книги.

– А что он умел делать?

– Много. Я даже не могу перечислить все его функции. По сути, он управлял многими процессами нашей жизни. Я использовала лишь маленькую толику его возможностей. Например, на нем можно было напечатать текст, а потом с помощью принтера распечатать, можно было хранить огромное количество информации. Текст тысяч самых толстых книг мог быть сохранен в памяти одного компьютера. Также на нем можно было смотреть фильмы, через него с помощью Интернета общаться с людьми, которые находились за тысячи километров и многое другое.

– А где теперь все компьютеры. Неужели все уничтожили?

– Да, по приказу твоего дедушки, большинство компьютеров было уничтожено. Некоторые уцелевшие пришли в негодность, а часть отдали в Нижний Жизнебург, взяв обещание, что они больше никогда не появятся у нас, в Верхнем городе...

– За время нашего разговора мы незаметно подошли к зданию тюрьмы. Это было небольшое двухэтажное здание, выкрашенное в тоскливо-зеленый цвет.

– Много сейчас заключенных? – Поинтересовалась я.

– Никого! Ты наш единственный гость. – Хихикнул Климент.

– Весело... Единственная дочка советника сидит в тюрьме! Первая нарушительница города! Папочка, наверное, рвет и мечет. – Вздохнула я.

– Не переживай! Отец отнесся к этому философски. Тем более на твоём примере он всем может показать, что исключений ни для кого нет. – Успокоил меня братец и ободряюще похлопал по плечу.

– А что люди говорят? – Поинтересовалась я.

– С каких это пор тебя стало это интересовать? – Ухмыльнулся Климент. – Раньше тебе совсем не волновало общественное мнение.

– Вообще, мне и сейчас все равно. Только перед вами стыдно. – Виновато опустила я голову.

– За меня не волнуйся! – Рассмеялась бабушка. – Я знаю только одно: у меня чудесная внучка, а что думают по этому поводу другие, меня не интересует!

– Папане твое поведение никак не повредит, скорее наоборот. – Засмеялся Климент. – Сумасшедшая дочка вызывает лишь сочувствие. А мы с братьями уж как-нибудь поддержим семейный авторитет!

– Климент, я тебя сейчас поколочу! – Предостерегла я его. – И не надейся, что победа окажется за тобой! Хотя я и почти в два раза легче тебя! Еще раз скажешь, что я сумасшедшая и ходить тебе в синяках!

– Ну-ну, полегче! – Опять рассмеялся Климент. Он был у нас самый смешливый в семье. – Это же не мои слова! Люди называют тебя сумасшедшей Флорой! А в этом, голу-бушка, ты виновата сама.

– Ну, и ладно! – Буркнула я раздраженно. – Вот уйду в Нижний Бург, будете знать!

– Пожалуйста! Тогда у меня будет на одну комнату больше! В последнее время нам с Кариной стало что-то тесновато. – Поддразнил меня Климент.

– Не дожدهшься, мерзкий! – Фыркнула я. – Сидеть тебе со своей хозяйкой в одной комнате!

– Тише, ребята, тише! – Вы, прямо, как маленькие! – Пожурила нас бабушка.

– Бабуля, мы же шутим! – Успокоил ее Климент. – Пора, Флоруся! Обещаю, у тебя будет самая лучшая камера! Все для единственного клиента! – Пошутил напоследок брат, чмокнул меня щеку, и передал в объятия бабушки. Попрощавшись с бабушкой, я с Климентом вошла в здание тюрьмы. Братец моментально превратился из дурашливого верзилы в строгого командира отряда. Мы зашли в просторный, скудно обставленный кабинет начальника тюрьмы.

– Заключенная Берсенева Флора Дмитриевна доставлена! – Отрапортовал он худому бледному человеку в мешковатом синем мундире. Этот человек и оказался главным в этом исправительном заведении. Он сидел за старым столом с облупившейся полировкой и просматривал стопку пожелтевших бумаг.

– Хорошо, хорошо. – Кивнул он. – Проходите к дежурному. Вы, Климент Дмитриевич можете идти. Брат подмигнул мне и бодрой, уверенной походкой вышел из кабинета. Опять я осталась одна...

– Дежурный в соседней комнате. – Раздраженно сказал начальник тюрьмы, словно хотел сказать: «Идите, идите! Сколько тут можно стоять?»

Я вышла в тускло освещенный коридор.

– А что, если сейчас взять и уйти? – Мелькнула шальная мысль. Здесь никого нет. Начальник и дежурный, как тараканы по щелям сидят в своих кабинетах. Кто помешает мне уйти? Никто. Только, что будет потом? Отец будет взбешен. В порыве ярости выгонит из дому, а чего доброго и из города. И куда идти? Меня всегда притягивал к себе необъятный мир, раскинувшийся за пределами города и ближайших окрестностей, но уходить было страшно... Можно было податься в Нижний Жизнебург. Туда, как впрочем, и оттуда вход был всегда открыт. Но под землю никто не рвался. Обитатели Нижнего Жизнебурга изредка выходили, но неизменно возвращались обратно. Мысль, что придется жить под землей, показалась мне столь невыносимой, что я уверенно толкнула дверь в кабинет дежурного. В маленькой камерке, заставленной шкафами с запыленными, давно немывтыми стеклами, сквозь которые были еле видны пожелтевшие картонные коробки с бланками заключенных. Большинство из них были не заполнены. Нарушителей в городе практически не было, и тюрьма пустовала.

– Сейчас одним бланком будет больше. – Невесело подумала я и присела на краешек деревянного стула, на который мне молча кивнул дежурный – бесцветный маленький мужчина лет пятидесяти с хвостиком. Он достал из шкафа бланк, и начал заполнять, ничего меня не спрашивая. Видимо, он и так знал, кто я. Записав мои ФИО и возраст, он призадумался. Следующая графа, которую ему предстояло заполнить, была: внешность заключенного. Он подумал, потом молча кивнул в сторону двери, где на косяке были приклеена сантиметровая лента. Поставив меня к косяку, он записал мой рост: 171 см. Потом он начал переписывать карточку в толстую тетрадь.

– Подождите меня здесь. – Сказал он, отложив ручку в сторону. – Нужно сходить к начальнику тюрьмы за подписью.

Он вышел, и я осталась одна. Тетрадь с описанием заключенных так и осталась лежать открытой на столе. Я заглянула в тетрадь, исписанную ровным, красивым почерком. Так каллиграфистки переписывали на отдельных листах единственную газету Жизнебурга: «Наше время».

Последняя запись в тетради особенно привлекла мое внимание: она гласила: Флора Дмитриевна Берсенева – 26 лет, дочь советника Дмитрия Евгеньевича Берсенева. Осуждена на 10 суток одиночного заключения за нарушение закона о непосещении заброшенной части города. Внешность: рост 171 см., волосы темные, длинные – доходят до середины лопаток, телосложение худощавое, лицо овальное, бледное, скулы выступают, нос прямой, длинный, сильно покрыт веснушками. Глаза маленькие, серо-зеленые. Особых примет нет. Вот и все описание. Неужели я и в правду похожа на это чучело? Долго размышлять мне над этим не пришлось, так как вернулся дежурный и с порога приказал идти за ним.

В коридоре он открыл какую-то узкую дверь, зашел туда и через мгновение вернулся, держа в руках толстое одеяло, которое тут же передал мне, пробурчав при этом:

– Это вам. Постельное белье не полагается. – Одеяло оказалось тяжелым, и я еле поспевала за своим провожатым. Мы поднялись на второй этаж, и мужчина открыл ключом ближайшую дверь.

– Это ваша камера, проходите. Вопросы есть?

– Да. – Ответила я. – Будут здесь кормить, и возможны ли встречи с родственниками и друзьями?

– Кормить будут два раза в день. А насчет встреч – это вам не дом свиданий, а городская тюрьма! – Явно оскорбившись, заявил дежурный и раздраженно кивнул головой в сторону камеры. – Мол, заходи поскорее.

Опять за мной захлопнулась дверь, отрезав от мира. Честно признаться, здесь было гораздо лучше, чем в изоляторе. Комната была большая, просторная. Огромное окно было зарешечено тонкой сеткой, скорее для порядка, чем для предотвращения побега. А зачем? Из тюрьмы никогда никто не сбегал. Бежать было некуда: в городе рано или поздно поймут, а покидать «Город Жизни» было страшно. Повесив одеяло на спинку стула, я села на кровать – делать было нечего. Книгу я отдала бабушке. Все равно отобрали бы. С собой нельзя ничего было приносить.

– Хотя бы и здесь снотворное давали! – С тоской подумала я. Но нет! Здесь была тюрьма – исправительное учреждение. Человек должен был здесь думать о своих проступках, раскаяться и не совершать их в дальнейшем. Честно признаться, я не совсем признавала свою вину. Да, я нарушила закон – пошла в запретную часть города. Жителям нельзя было показываться в заброшенной части, так как власти боялись, что там до сих пор сохранились источники инфекции. Я в это не верила. Бабушка еще давно мне сказала, что это чепуха. Вспышки заболеваний, которые время от времени случались в городе, по ее словам, были принесены извне, возможно птицами, или грызунами, но никак не из заброшенной части. Теперь нежилые части были под запретом. А ведь там можно было бы взять немало полезных вещей. Одежду хотя бы! Ведь в тех районах остались целые магазины и склады! Тогда бы дочке советника не пришлось бы ходить в старой, непонятного цвета юбке, свитере с заплатами на локтях, давно вытершемся бабушкином пальто и полуразвалившихся ботинках! Самое смешное, что даже у многих «рядовых» девушек была одежда гораздо лучше моей. Просто их отцы или воздыхатели не боялись нарушить закон, и им удавалось не попасться с поличным. Но не одежда влекла меня туда. На развалины меня манила атмосфера прошлого... Я не ходила в районы безмолвных, зловещих многоэтажек – там было жутко. Я обычно пробиралась в уютные дворики, окруженные старыми двух-, трех или пятиэтажными домами, с лепными узорами на фасадах. Даже не знаю, как описать то чувство, которое приходило ко мне там – умиротворение, светлую печаль или что-то другое? Я не могла точно сказать. Единственное, что я точно знала, что при

первом же удобном случае опять проберусь в тихий, залитый солнцем дворик, чтобы, слегка раскачиваясь на старой, мелодично поскрипывающей качели наслаждаться теплыми лугами солнца и мечтать.... Мечтать о том, чего уже давным-давно нет, и никогда не будет...

Глава 6

– С возвращением, преступница! – Больше не будешь ходить, где не следует?! – Сурово спросил папочка, но в его темно-серых, стального цвета глазах была радость. Папа любил, когда вся семья была в сборе. И хотя я была паршивой овцой в породистом стаде, я была частью этого стада и должна была быть на месте.

– Здравствуй, папочка! – Я чмокнула отца в гладко выбритую щеку – он не носил ни бороды, ни усов. Посчитав, что сейчас будет уместнее не прекословить, я покорно добавила:

– Теперь, папочка, я буду ходить только там, где разрешено. Можно мне пойти в ванную? Две недели практически без воды не сделали меня чище.

– Иди, иди... А потом приходи в общую комнату. У нас сегодня небольшой праздник.

– Что мы сегодня празднуем? – Удивилась я. – Только не говори мне, что я забыла о чем-нибудь дне рождения. Я помню их все! Климент, Фрол и Агафон давно обзавелись хозяйками. Андрон, я уверена, никогда не найдет себе подходящую бабу. Так что же мы празднуем?

– Ты забыла все-таки еще один наш обычный повод для праздника. – Слегка улыбнувшись, сказал отец. Когда он улыбался, выглядел гораздо моложе.

– Фрол опять получил медаль на конкурсе: «Удивительный овощ» – Закончил он.

– Десятую?! – Изумилась я. – Что наш великий агроном вырастил на этот раз?

– Какая-то новая морковь. Один корнеплод весит около килограмма.

– Надеюсь, она еще и вкусная. – Добавила я.

– А вот это-то мы и проверим за столом. Иди скорее, чисти перья. Собираемся через пол часа! – Я, не мешкая, побежала мыться. Уж очень мне хотелось попробовать новую морковь и вообще что-нибудь вкусное – в тюрьме был лишь постный суп с сухарями, да овсянка. Кажется, я совсем превратилась в Кощея Бессмертного – одного из героев бабушкиных сказок, которые она мне часто рассказывала в детстве. Нужно было срочно отъедаться. На секунду, забежав в свою комнату, чтобы взять полотенце и халат, я спустилась вниз. Ванная комната была у нас на первом этаже в довольно просторном помещении. Около одной из стен стояла большая чугунная ванна. Рядом с ней был бак с печкой, в котором грелась вода. Бабушка рассказывала, что раньше горячую воду подавали централизованно, по водопроводу. Сейчас у нас из крана бежала только холодная вода, да и то далеко не всегда. На давным-давно прогнившем водопроводе часто случались аварии, которые ликвидировались очень долго. Иногда мы месяца на два-три оставались без воды. В этом случае приходилось пользоваться колонками. К счастью, для меня никогда не стояла проблема добычи воды. В нашем доме было множество здоровых сильных мужчин, на плечи которых и ложилась эта обязанность.

Я потрогала бак с водой – горячий. Кто-то, видимо, позаботился, чтобы была горячая вода, когда я вернусь. Впрочем, даже не приходилось гадать, кто бы это мог быть. Конечно же, Полина! Безусловно, это она нагрела воду и оставила на маленьком столике душистое домашнее мыло, которое сама варила и зеленеватый, пахнущий горечью трав раствор для мытья головы. Пообещав себе обязательно поблагодарить свою заботливую тетюшку, я открыла кран горячей и холодной воды. Струи с напором ударились о шероховатую поверхность ванны и растекались по дну. Я подошла к огромному окну, которое занимало одну из стен ванной комнаты, и задернула тяжелые занавески, оставив лишь маленькую щелку, чтобы не было совсем темно. Сбросив одежду и положив ее в корзину для грязного белья, я быстро забралась в ванну, уже успевшую наполниться почти до краев. Сначала вода обжигала тело, но уже спустя мгновение неприятные ощущения прошли, уступив место расслабляющему наслаждению. Не хотелось шевелиться. Тепло и полумрак ублаживали и успокаивали... Лежать бы здесь, да лежать! Но я вспомнила о семейном торжестве и, вздохнув, взяла мыло и вязанную из грубого волокна мочалку.

Глава 7

Я успела как раз вовремя. Только волосы не просушила и они мокрыми темными сосульками падали мне на плечи. Посреди нашей большой общей комнаты на первом этаже стоял внушительных размеров деревянный стол, покрытый синей скатертью, сшитой Полиной. Но даже за таким столом нашей семье было тесновато.

Во главе стола, конечно же, сидел папочка – все еще статный, чуть-чуть располневший мужчина с угрюмым лицом, но добрым сердцем. Справа от него сидела его мама – наша любимая бабушка Марина. Ей было уже семьдесят три года, но кожа у нее до сих пор была поразительно гладкой и белой, без темно-коричневых старческих пятен. Морщины затаились лишь в уголках глаз, рта, да две глубокие продольные бороздки залегли на лбу. У нее сохранилась великолепная стройная фигура и величественная осанка. Кто не знал Марины Сергеевны, все давали ей лет пятьдесят, не больше. До сих пор ее просили стать хозяйкой – один из папиных друзей и какой-то старикашка с соседней улицы. Бабулечка отшучивалась, говоря, что ей и так в доме мужчин хватает. Но я думаю, что бабушка Марина до сих пор не могла забыть деда – основателя Жизнебурга. Я плохо помню его. Мне было всего лишь три года, когда его не стало. Уже позже я узнала, что бабушка и дедушка нередко спорили. У них было разное мнение по поводу дальнейшей судьбы Жизнебурга. Дедушка хотел начисто искоренить из жизни все научно-технические достижения, считая, что именно они привели человечество к краху. Бабушка же считала, что нельзя утрачивать знаний, накопленных предыдущими поколениями. Но, не смотря на все разногласия, бабушка с дедушкой жили очень дружно, и бабушка тяжело переживала утрату мужа, или «хозяина», как теперь у нас принято было говорить.

Слева от папочки сидел Андрон – мой старший брат. Ему уже было далеко за тридцать, но он так и не обзавелся хозяйкой. Трое остальных братьев сидели со своими хозяйками, а двое из них и с детьми.

Неугомонный Климент выбрал себе веселую, острую на язычок Карину. Ей было столько же лет, как и мне, но у нее уже было трое детей, и скоро на свет должен был появиться четвертый. Возможно, некоторых девиц, включая и меня, такое значительное потомство и повергло бы в уныние, но только не Карину. Она была прирожденной хозяйкой, которая с достоинством выполняла свою функцию – рождение детей.

У Агафона, заведующего единственным в городе ремесленным училищем, хозяйка Светлана, на мой взгляд, была до того уныла и бесцветна, что я даже не могла понять, зачем Агафон ее выбрал. У нее были бесцветные коротко подстриженные волосы, усыпанное веснушками лицо, которые сливались в одну гигантскую веснушку, нескладная фигура и вечно постное выражение лица. Но Агафон обожал ее. Говорил, что она великолепная собеседница и добрейшая женщина. Оценить ее в качестве собеседника я не могла. Ведь наш разговор с ней ограничивался: «добрым утром и спокойной ночи». Больше мы с ней не пересекались. У нее с Агафоном был один сын – светловолосый мальчишка-увалень. Фрол – агроном выбрал себе хозяйку-единомышленницу. Летом Елизавета и Фрол целыми сутками пропадали на экспериментальном огороде, а зимой в городской теплице. Лизка тоже была фанатом огородного дела. Не смотря на то, что они уже два года жили вместе, детей у них не было. Я подозревала, что всезнайка Лизка тайно пила какую-нибудь травяную настойку, предотвращающую появление наследника. Хозяйкам это было запрещено. Ведь их основная функция была рожать и воспитывать детей. Работать хозяйкам не полагалось по закону. А Лизка явно пока не представляла своей жизни без грядки с огурцами. Вот кто натуральный преступник! Ей бы тоже не мешало отсидеть десять суток! Но разве Фрол бы ее выдал? Без сомнения, он был заодно с ней. На первом месте у него пока была научная работа! Нет, он Лизку ни за что не выдаст. Скорее обвинил бы себя в мужской несостоятельности. Его ничье мнение абсолютно не интересовало, лишь бы быть на грядках с Елизаветой, как он ее звал. Впрочем, она мне даже нравилась: симпатичная, с хорошей фигурой, вежливая. Иногда мне даже хотелось пообщаться

с ней поближе. Но все ее разговоры сводились к выведению новых сортов огурцов и картошки. Меня же эти продукты интересовали только в тарелке...

Рядом со мной сидели Полина и тетя Фрося – пятидесятилетняя женщина, которая помогала нам по хозяйству. Она жила в соседнем многоквартирном доме, но часто оставалась у нас. Полина выделила ей уютную комнатку на первом этаже.

– Сегодня в нашей семье небольшая радость – начал неторопливо папочка. – Фрол и Лизавета завоевали очередную медаль на конкурсе лучший овощ. Поздравляю наших чемпионов и передаю слово вам. – Отец замолчал. Фрол немного покраснел. Он был немного застенчив, даже в кругу семьи.

– Я... Мы с Лизаветой очень рады... Рады вниманию, которое вы оказали нам. – Слегка заикаясь, проговорил брат и растерянно посмотрел на Лизку, видимо, не зная, что еще сказать. Та не медля, пришла ему на помощь, звонко защебетав:

– Мы с Фролом рады, что все здесь сегодня собрались. Но победители не только мы. Победа за всей нашей замечательной семьей. Ведь все, что мы делаем с Фролом – это на благо семьи и нашего города! А сейчас все присутствующие смогут оценить вкусовые качества нашего творения. Пожалуйста! – Очаровательно улыбнулась она и показала на стол. В центре на красивом, расписанном алыми цветами подносе воцарилась огромная, ярко-оранжевая блестящая морковь. Вокруг нее в хрустальных тарелочках разместились многочисленные блюда из моркови: тертая морковь со сметаной, морковь, порезанная кружочками, тушеная морковь, пирог с морковью и много-много других блюд. В двух высоких графинах был налит прозрачно-желтый морковный сок. Мы не заставили себя долго ждать и практически набросились на угощение. Казалось бы, морковь, она и есть морковь. Что в ней может быть особенного? Но это была необыкновенная морковь! Она была небывало сочная и сладкая! Все наперебой хвалили окончательно засмущавшегося Фрола и сияющую, довольную Лизку.

Время пролетело совсем незаметно. В комнату постепенно прокрались сумерки, и тетя Фрося принесла пару свечей. Посидели еще немного, поговорили о нынешнем урожае, о предстоящей зиме. Папочка был очень доволен: урожай выдался на редкость богатым. Склады были до отказа заполнены. Перерабатывающие станции, занимающиеся консервацией, соленьем, сушением, варением, засахариванием и т. д. работали с утра до ночи. И для обмена с Нижним Бургом осталось еще достаточно продуктов. Можно было теперь выменять не только самое необходимое – лекарства, оборудование, но и что-нибудь поинтереснее: духи, кое-какую косметику. Еще до изолятора, я краем уха слышала, что папа решил выменять в Нижнем Бурге небольшую партию «дамских штучек», как он называл парфюмерию и косметику. Но мне, увы, рассчитывать на нее особо не приходилось. «Дамские штучки» предназначались «лучшим» женщинам Жизнебурга – передовикам производства, деятелям творчества и лучшим «хозяйкам», то есть тем, у кого больше детей. Также учитывались достижения самих детей: учеба в обязательной пятиклассной школе и различных самодеятельных кружках. Я похвалиться ничем не могла: работала посредственно, пела и танцевала не лучше многих. А надеяться, что папочка расщедритя и даст просто так – было глупо. Вообще быть дочкой советника, причем единственной было крайне трудно. Никаких преимуществ перед другими девушками мое положение мне не приносило. Зато постоянно приходилось держать себя в руках, а если чуть что не так, то на всех углах говорили: «А еще дочка советника!» Не говоря уже о том, что приходилось выслушивать длинные, гневные нотации папочки. В общем, я была бы совсем не против, если бы папа был бы рядовым жителем Жизнебурга...

В комнате стало совсем темно. Лишь желтые всполохи двух свечей трепетали на стене оклеенной выцветшими зеленоватыми обоями. Две хозяйки – Карина и Светка встали почти одновременно, пожелали всем «спокойной ночи» и погнали своих усталых отпрысков готовиться ко сну. Вслед за ними ушли Лизка с Полиной и тетей Фросей. Веки у меня отяжелели,

в голове было блаженно пусто, и легкие мысли изредка появляющиеся в голове быстро улетали, не оставляя следа.

– Пора спать. – Решила я. Сладко зевнув и, пожелав остальным «доброй ночи», я побрела на второй этаж в свою комнату. Свечу взять забыла, шла на ощупь, но было легко – я знала каждую ступеньку, каждый уголок наизусть. Открыв шершавую деревянную дверь своей комнаты, я первым делом зажгла маленькую свечку одиноко стоявшую в узорчатом серебряном подсвечнике. Вспыхнул красный, трепещущий огонек, заиграв на стенах темно-оранжевыми огнями. Моя комната были ни большая, ни маленькая – а в самый раз. Около одной из стен стояла довольно широкая кровать, накрытая сверху старым темно-синим пледом, напротив – трехстворчатый шкаф, около окна круглый столик с вязаной крючком белой скатертью, которую зимними вечерами связала Полина. Пара стульев, мохнатый коврик посреди комнаты – вот, собственно говоря, и все. Больше ничего в комнате не было. Если, конечно, не считать трех картин, развешанных по стенам. На одном полотне водопад низвергал свои зеленовато-голубые воды с головокружительной высоты, на другом – таинственно застыл зимний лес, а на третьем – в лучах заходящего солнца сверкала бескрайняя гладь моря. Я ни разу в жизни не видела моря. Ведь всю свою жизнь я провела в городе. Я очень любила смотреть на эту картину и мечтать, что когда-нибудь увижу все это своими глазами. В тайне я мечтала совершить экспедицию по тому же пути, по которому больше двадцати пяти лет назад ушла мама... Но я отлично понимала, что в одиночку это невозможно. Просить папу организовать экспедицию – бесполезно. И я была абсолютно уверена, что если бы у меня хватило смелости начать организацию экспедиции, папочка бы всячески препятствовал реализации этой идеи.

Я сняла одежду, вошла в теплую фланелевую рубашку, которую Полина заботливо положила под подушку и, потушив свечу, юркнула под одеяло. Как приятно было снова оказаться дома, в своей постели... Спокойствие и тепло окутали меня плотным коконом, и я уснула...

Посреди ночи я неожиданно проснулась. За окном было темно. Я даже не могла представить, сколько сейчас времени – в комнате у меня часов не было, а наручные часы я забыла в ванне. Хотелось пить – во рту было сухо, как в пустыне и мне показалось, что я даже чувствую скрип песка на зубах. Накинув халат, я спустилась вниз, на кухню. Выпила стакан холодной воды и отправилась обратно. В общей комнате я заметила легкое дрожание желтого света, проликавшего в щель под дверью.

– Опять забыли потушить свет! – Раздраженно подумала я и уже взялась за ручку, но остановилась, услышав приглушенные голоса.

– Может, показать ее Кириллову? Спросил отец.

– Прекрати эти глупости! – Сердито отозвалась бабушка. – У меня складывается впечатление, что ты хочешь побыстрее отправить девочку в дом блаженных!

– Ерунда! Но сама пойми, это не-нормально! Девушке почти двадцать семь лет, а она даже с мужчинами не общается... Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. – Пробурчал папочка. Не смотря, на солидный возраст, и положение в обществе он до сих пор стеснялся бабушки.

– С чего это ты взял? – Холодно осведомилась бабушка. – Можешь мне поверить, она уже давно стала женщиной. Если я не ошибаюсь, у нее и сейчас два ухажера есть. – Явно недовольно сказала бабушка.

– Вот уж не знал! – Удивился папочка. – Кто они?

– Один – ее начальник – Карстов Женька, а другой – Максим Кириллов.

– Сын Александра Кириллова, которому я хотел показать Флору? Очень умный и сообразительный молодой человек. Я бы рад был, чтобы он стал членом нашей семьи. А этот Карстов – прохвост... Лучше бы она с ним не общалась... – Как бы про себя проговорил папочка. Дальше я слушать не стала, а осторожно отошла от двери и поднялась вверх.

Значит, папочка хочет поскорее сделать меня хозяйкой. Впрочем, он прав – мне уже далеко не семнадцать, еще пару лет и меня можно будет записать в безнадежно старые девы. Забравшись под одеяло и свернувшись калачиком, чтобы быстрее согреться, я задумалась.

Красавчик, как у нас называли в отделе Женьку Карстова, был недурен собой – высокий, широкоплечий и лицо у него было симпатичное. Но мне он не нравился – слишком уж надменный был у него взгляд и наглые манеры. Мне не о чем было с ним говорить. Впрочем, мы и не разговаривали. Только предавались любви, если это можно так назвать. У него было много женщин и каждая из них, за исключением меня мечтала рано или поздно стать его хозяйкой. Я не хотела, да впрочем, он и не предлагал. Я думаю, что ему просто было лестно записать дочку советника в свой список. А я соглашалась быть с ним, потому что, во-первых, он не обременял меня работой, а что самое главное таким способом я легко могла досадить Веронике. Это была самая красивая женщина не только в нашем отделе, но и, пожалуй, одна из самых красивых в городе. У нее были густые, коротко стриженные светло-льняные волосы огромные фиалкового цвета глаза и ладная фигура. Не знаю, почему Красавчик не предлагал ей стать его хозяйкой. Впрочем, будь я мужчиной, я поступила бы также – терпеть Вероничку более пяти, минут было не возможно. Она постоянно была чем-то недовольна, чем-то раздражена, а ко мне цеплялась постоянно – наверное, из-за Красавчика. Ее жутко злило, что он уделяет время такой «сумасшедшей страхолюдине» (так она меня называла), как я. Чтобы насолить ей, мне приходилось терпеть Красавчика. Говорят, что в процессе секса женщины получают удовольствие. Я ничего подобного не испытывала. Я вообще ничего не чувствовала: ни боли, ни удовольствия – лишь раздражение оттого, что нужно тратить время на подобные глупости, когда можно было бы подышать свежим воздухом, прогуляться по городу...

С Максимом все было по-другому. Мне нравился этот высокий, чуть-чуть полноватый парень с доброй улыбкой на лице. Он был одним из ведущих специалистов отдела планирования. Я плохо представляла себе его работу – знала только, что ему приходится производить много расчетов. Он очень хорошо считал в уме, даже не пользуясь бумагой. У меня так никогда не получалось сколько я ни старалась. Он часто заходил за мной в обеденный перерыв, и мы с ним гуляли по городу, если меня не тянуло на развалины. С ним было просто и интересно. Он, кажется, знал обо всем на свете. Но был робок. Я видела, как он смотрел на меня. Примерно также, как Красавчик, только в его глазах кроме желания была еще и нежность. Мне было жаль его. И однажды после окончания рабочего дня я взяла его за руку, увела в комнату для отдыха и закрыла дверь. При близости с ним я тоже ничего не испытала кроме удовлетворения от того, что доставила удовольствие человеку, который мне нравился. После этого я стала встречаться еще и с ним. Но Максим, в отличие от Красавчика никогда не настаивал на интимных встречах и вел себя очень корректно. Только стать его хозяйкой он тоже мне не предлагал. Хотя нет... Один раз сказал, но я думаю, в шутку. Пожалуй, меня такое даже устраивало. Ведь я не любила его, а бабуля всегда говорила, что нужно становится хозяйкой исключительно по любви. Честно признаться, я даже не могла представить, что такое любовь. Нет! Конечно же, я любила отца, братьев, бабушку, тетю Полину, своих племянников. Я переживала за них, когда кто-нибудь из них болел, радовалась их успехам, спешила помочь, чем могла. И, как оказалось, жутко скучала, если не видела хотя бы один день. Ничего подобного ни к одному мужчине я не испытывала. Даже к Максиму. Хотя он мне и очень нравился, но я спокойно обходилась без него и за все время, которое я пробыла в изоляторе и в тюрьме практически ни разу о нем не вспомнила.

– Может, я вообще не умею любить? Или просто не встретила того единственного? – подумала я, переворачиваясь на другой бок. – Эх, где же ты сейчас? Что, если ты где-нибудь на другом краю света, в далекой Америке, или Австралии? Как тебя мне найти.... И, как понять, что это ты... – Сквозь сон подумала я и медленно улетела в страну сновидений, в кото-

рой я стояла на вершине огромной скалы и, смотря вдаль, пела песню, которую, как мне хочется думать, придумала сама...

Сквозь туманы синие,
Через горы дальние
Позову тебя я,
Громко позову.
Э-эй! Я тебя зову,
Э-эй! Так давно я жду.
Ты услышишь голос мой,
Нежный и звенящий,
Как стрела летящий
В сторону твою.
Э-эй! Я тебя зову,
Э-эй! Так давно я жду.
И тогда поймешь ты,
И тогда придешь ты
В печальную обитель,
Где тебя я жду.
Э-эй! Я тебя зову,
Э-эй! Так давно я жду.

Глава 8

На следующее утро, когда за окнами было еще темно, и мелкий осенний дождик грустно стучался в окно, меня разбудила Полина. Она стояла около моей кровати со свечой в руках и что-то негромко говорила. Спросонья я даже не разобрала, что она говорит. Лишь спустя какое-то время, когда сон немного отступил, до меня начал доходить смысл ее слов.

– Вставай, Флоруся! Сегодня тебе на работу. Я просила, просила твоего отца, чтобы он тебе хоть денечек дал отдохнуть, но нет! Ты же знаешь, какой он упрямый! Говорит, что ты и так за две недели хорошо отдохнула.

– Он прав, Полина! Пора и честь знать. Хотя мне туда и нисколько не хочется, тем более в такую погоду, но работа есть работа.... – Я откинула одеяло в сторону и сразу же по телу от холода побежали маленькие «мурашки». Полина протянула мне пуховую шаль:

– На, Флоруся, накинь, а то в доме прохладно. Печку твой папочка приказал только с сегодняшнего дня начинать топить. Говорил: тепло, тепло... А сегодня с утра сам замерз – надел теплый свитер, да жилет сверху. Так-то вот!

Я укуталась в пушистую, пахнущую почему-то мятой и душицей шаль и, взяв со стола вторую свечу, которую Полина уже успела зажечь, последовала за тетей вниз – завтракать.

– На кухне никого не было. Папочка, видимо, уже позавтракал, Климент и Адрон завтракали на работе, а Фрол вставал гораздо позже. Его огород был недалеко от дома – ему не приходилось тащиться через полгорода в административный район.

Полина поставила на стол тарелку овсяной каши, блюдо с пирожками и горячий душистый чай из смеси разных трав, которые летом Полина собирала недалеко от города, в лесу.

– Ох, Полина, опять ты хочешь меня откормить! – Вздыхнула я.

– Кушай, Флоруся, кушай. Посмотри, что от тебя осталось – одни глаза! – Сегодня холодно нужно хорошо поесть, а то замерзнешь на улице. И прошу тебя, не едь на переднем сиденье хоть сегодня! Дождь моросит, дорога скользкая, да и спать всем хочется. Вдруг водитель уснет?

– А что мне пешком идти? Сегодня точно других мест не останется – никому не охота грязь по дорогам месить. – Беспечно отозвалась я, размазывая кашу по тарелке. Я терпеть не могла овсяную кашу! Съев пару ложек каши, а остальную, разогнав по краям, я взялась за пирожки. Они оказались очень вкусные – с рябиново-яблочным вареньем. Когда я наелась, пирожков на блюде заметно поубавилось. Полина осталась довольна. Встав из-за стола, я отправилась одеваться в свою комнату. Хотелось спать... Но нужно было идти в темное, неприветливое, холодное утро, льющее слезы мелким, унылым дождем. Я вздохнула, протерла глаза и открыла шкаф с одеждой. Нарядов у меня было, честно признаться не много. Их и нарядами-то трудно назвать было – скорее лохмотья. Я достала старые, с заплатами на коленках джинсы, теплый синий свитер с воротом под горло. Напоследок из недр шкафа появилась черная куртка с капюшоном, сшитая из какого-то не промокающего материала. Пожалуй, это была единственная более или менее приличная вещь в моем гардеробе. Недавно отец разрешил открыть склад с одеждой в одном из заброшенных районов. Одежду как всегда раздавали в любимом папином порядке: красивые вещи – по заслугам, обычные – по необходимости. Как раз в это время я шла домой и вся промокла, на следующий день прихворнула. Папочка решил, что мне необходима непромокаемая куртка. Вот так мой гардероб и пополнился новой вещью.

Только случалось это очень редко. Если бы не Полина, которая великолепно шила и вязала, когда было свободное время, я, наверное, вообще ходила в одних лохмотьях.

Накинув на голову капюшон, я вышла из комнаты. Внизу Полина мне вручила мешочек с пирожками на обед. Поблагодарив Полину, я положила свой обед в сумку, перекинула ее через плечо и вышла на улицу под морозящий холодный дождик.

Осень окончательно вступила в свои права – было промозгло и холодно. Скоро, наверное, и снег выпадет... Я потуже затянула пояс на куртке и заспешила на остановку. Автобус приходил по расписанию – три раза в день. Если я сейчас опоздаю, то придется идти пешком или искать подводу, идущую в город. В любом из этих случаев, я бы непременно опоздала. Получать выговор от Красавчика в первый же рабочий день мне не хотелось. Я прибавила шаг, а когда услышала, неровное урчание автобуса – побежала. Конечная остановка располагалась на бывшем трамвайном кольце. Ржавые, полуразрушенные рельсы еще и до сих пор лежали здесь. Трамваи и троллейбусы уже давно не ходили – электричества-то не было! Осталось только несколько автобусов, которые возили жителей из жилых районов в административный. Бензин выменивали в Нижнем Бурге. Когда я подошла к остановке, автобус уже остановился, и толпа желающих доехать с комфортом с боем рвалась внутрь. Сидячих мест в салоне давно не было – все сиденья убрали, чтобы могло влезть больше народа. Те, кому не удавалось пробраться в один из десяти автобусов, уходящих утром добирались сами – на извозчиках, или пешком – а это часа полтора пешком...

Я подошла к автобусу и помахала рукой водителю – дяде Саше – веселому дядьке лет под пятьдесят. Он улыбнулся мне в ответ и выглянул в окно:

– Давно тебя Флоруся не было! Едешь сегодня?

– Ага! – Кивнула я.

– Может, сегодня в кабине поедешь? Погодка-то нынче не самая приятная. Для такой худышки всегда место найдется!

– Спасибо, я как всегда поеду. А то кто-нибудь возмущаться начнет, крик поднимет.

– Из-за этого не переживай. Дебоширы быстро выйдут из транспорта!

– И все-таки я как обычно. Давно не ездила – хочется прокатиться.

– Ладно! Держи тогда плащ, а то замерзнешь, да и перепачкаешься вся – дороги сегодня сильно развезло! – Дядя Саша протянул мне в окно свернутый плащ палатку.

– Спасибо. – Поблагодарила я водителя, завернувшись с ног до головы в тяжелый непромокаемый плащ и заняла свое место – посередине. По бокам было еще два места, но желающих там ехать пока не нашлось – все до сих пор пытались протиснуться в салон.

– Все! Закрываю двери! – Объявил дядя Саша. – Автобус не резиновый! – Двери со скрипом закрылись. Тогда по приставной лесенке люди полезли на крышу. Там было около десяти сидячих мест, стоять на крыше строго воспрещалось. Скоро и там все было занято. Спустя пару минут и по бокам автобуса не осталось свободных мест. Я уже подумала, что придется мне ехать спереди одной, как вдруг раздался вопль:

– Дядя Саша, подожди! – Из-за угла дома выбежали два парня – один долговязый, а другой, по сравнению с ним почти коротышка.

– Ух, ты Флоруська! – Удивился один из них. Давно тебя было не видно. – Соскучились уже. – Развязно объявил долговязый Петька. Он жил в соседней с нашим домом пятиэтажке и слыл шалопаем и хулиганом. Но, на мой взгляд, он ничего плохого не делал. Подумаешь, вечером любил песни во дворе попеть допоздна! Так пусть поет! Голос у него был приятный, и я нередко засыпала, убаюканная его песнями. Но многим добропорядочным гражданам это не нравилось и они в глаза и за глаза называли Петьку хулиганом и deboширом. Его друг – коротышка Ленька стал хулиган лишь потому, что был закадычным другом Петьки и был повсюду с ним. Даже здесь, хотя ему вовсе не доставляло большого удовольствия ехать впереди автобуса – он ехал, чтобы не отставать от друга.

Парни сели на оставшиеся свободные сиденья, опустили фиксирующее устройство, дядя Саша выглянув в окно, убедился, что все пристегнуты, и автобус, тяжело скрипя, неторопливо

тронулся и медленно поехал, оседая под тяжестью набившихся, как селедки в бочку, пассажиров. Парни вокруг меня балагурили, что-то кричали друг другу, но смысл их слов до меня не доходил. Во-первых, из-за двух капюшонов, надетых на голову, а во-вторых, я еще окончательно не проснулась... Меня не смогли разбудить даже холодное утро и колючий дождик, хлеставший в щель капюшона, которую я оставила, чтобы дышать. Неторопливый бег автобуса меня убаюкивал. Я несколько не боялась ехать на своем месте. Когда-то боялась, а теперь – нет. Страх прошел, когда я вдруг поняла, что каждому смерть предопределена заранее. Все расписано уже давным-давно, и ничего не изменить. Если тебе суждено утонуть, то ты не разобьешься, упав даже с огромной скалы. А если смерть уготовила тебе смерть от какой-нибудь легкой простуды – ее тоже не избежать. Можешь всегда закрывать все форточки, надевать в ненастную погоду шарф и калоши, или наоборот закаляться, и даже в самые лютые морозы ходить в легкой одежде – все равно простуда подкараулит тебя, бросится из-за угла и завершит то дело, которое ей поручила смерть. В общем, по словам, бабушки у меня был фаталистический взгляд на вещи. Бабушка говорила, что все в наших руках, а я верила, что судьба лишь дает нам эту иллюзию – иллюзию самостоятельности, а на самом деле вся наша жизнь давно была прописана ей в какой-нибудь толстой книге. Вся жизнь, до мелочей... Я пришла к этому мнению внезапно. Тогда мне было семнадцать лет. Я, окончив, обязательные пять классов работала в конторе. Как всегда в перерыв, я отправилась погулять. Было лето, но сильный ветер дул с севера, гоняя по небу грязные лохмотья туч. Далеко идти не хотелось, и я решила прогуляться по городской плотине. Этому сооружению было уже более трехсот пятидесяти лет, а оно все еще стояло – служило городу. Народа практически не было – все предпочитали провести обед где-нибудь в трактире, поближе к огоньку.

Пробежавшись вдоль воды, я поняла, что дольше пяти минут здесь не протяну – ледяной ветер легко проникал сквозь кофту и кожу, медленно сковывая холодом внутренности. Лишь чайкам, с заунывными криками носившимся над серой водой все было нипочем. Я покинула набережную, поднявшись по полуразрушенным ступенькам. Здесь ветер тоже был силен, но казалось, что не так холодно. Прямо передо мной стояли два истукана – памятник основателям города. Папа был равнодушен к памятникам, поэтому за этими напоминаниями о прошлом никто не ухаживал. Оба истукана, покрытые толстым слоем грязи и птичьего помета, укоризненно взирали на полузаброшенный город...

Я заметила, что я не одна: недалеко от памятника на каменном ограждении сидел мужчина в черной, потертой кожаной куртке. На вид ему было лет пятьдесят, может чуть больше. Он смотрел в сторону реки и, казалось, чего-то ждал. Мне не хотелось уходить отсюда, и я села на ограждение с другой стороны от мужчины, чтобы не нарушать свое и его одиночество. Ветер все сильнее носился над рекой, поднимая в вихре пыль и белые, словно небольшие мотыльки листки бумаги. Было как-то тоскливо-тревожно. Казалось, что я сижу и чего-то жду. Я не знала чего именно, просто в руках и ногах я чувствовала не приятный холодок, который всегда появлялся у меня в процессе ожидания чего-то. Неожиданно ветер утих, и воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь дикими криками чаек, кругами носящихся над плотиной. Потом я ощутила легкую дрожь. Я даже не поняла – то ли это я дрожу от холода, то ли это слегка подрагивает ровная поверхность каменного парапета, на которой я сижу. Камень, на сколько мне было известно, дрожать не мог, но все-таки это происходило. Теперь я уже точно чувствовала, как тяжелый каменный парапет раскачивается подо мной, покрываясь паутиной мелких трещинок. Истуканы тоже словно пустились в пляс – раскачивались из стороны в сторону все сильнее и сильнее.

– Еще чуть-чуть и они упадут... Прямо на меня... – с замиранием сердца подумала я, не в силах сдвинуться с места. А истуканы раскачивались все сильнее и сильнее. И вот, наконец, хрупкое равновесие нарушилось и, застыв на мгновение, истуканы рухнули в противоположную от меня сторону. Я услышала глухой удар, сдавленный крик и тишину, огромной

птицей повисшей над городом. Колебания почвы прекратились, каменный бордюр тряхнуло последний раз и он, треснув в нескольких местах замер. Я с трудом встала. Ноги не слушались меня и сильно дрожали. Я обошла истуканов. Из-под головы одного из них вытекал красный ручеек, и выглядывала сжатая в кулак рука...

Именно в тот момент я поняла, что наш путь земной давным-давно расписан где-то в книге Судьбы. А, как известно, что написано пером, того не вырубишь и топором. Нет, я, конечно, верила, что нам дается выбор. Выбор – неотъемлемая часть нашего существования. Но он был в мелочах: какое платье тебе сегодня одеть, съесть ли тебе хлеб с маслом или с сыром, а во всем остальном – мы были полными марионетками в руках нашей повелительницы судьбы. Она, направляя нас по той или иной дороге, умела сделать так, чтобы мы до последнего момента были окутаны дымкой иллюзии, думая, что сделали этот выбор сами. Вот и тогда: почему тот мужчина оказался именно в то время, в том месте? И почему землетрясение, которого не было в наших древних горах уже очень давно, началось именно тогда, когда он сидел там? И почему истуканы упали именно на него, а не на меня? Хотя шансы оказаться погребенным под тяжелыми статуями у меня и у мужчины были абсолютно равные. И почему он вообще пришел в этот холодный день на плотину? А ответ был донельзя прост – он просто НЕ МОГ не прийти. Пьеса его земной жизни подошла к концу. И хотя завершающая сцена была столь нелепа, она была именно такова... Не всем же, в конце, концов, умирать в своей постели от старости или от какой-нибудь хвори. Ведь великому драматургу Судьбе вряд ли понравилось бы писать совершенно одинаковые сценарии без малейших вариаций. Она была ограничена в выборе начала и конца пьесы. У всех они были одинаковы – рождение, и в конце смерть. И чтобы хоть как-то разнообразить повествование – Судьба расписывала нашу жизнь, порой придумывая невероятные, головокружительные сюжеты...

Автобус тряхнуло на ухабе, и я очнулась от полудремы, в которую впала, убаюканная мерным покачиванием. Я огляделась по сторонам – проезжали бывшую промышленную зону. Когда-то раньше, здесь располагались многочисленные заводы, выпускающие турбины, двигатели, разнообразные электрические машины, а также продукцию для обороны – танки, ракеты и т. д. Сейчас эти огромные территории принадлежали Нижнему Жизнебургу. Жители нижнего города продолжали изготавливать самые необходимые для жизни предметы, но, конечно, не в таких масштабах как раньше...

– Флоруська! – Позвал меня Петька. – Айда, сегодня с нами на поле правды!

Хотя ребята из Петькиной компании были младше меня на добрых пять лет, они, видимо, не чувствовали этой разницы и запросто приглашали меня в свою компанию. Трудно было назвать их моими друзьями – скорее хорошими знакомыми, которые, чуть ли не единственные, считали меня вполне нормальным человеком. Однажды Петька чуть не подрался с какой-то бабкой, которая, увидев, меня однажды на улице сказала шепотом своей подружке, что идет «Сумасшедшая» Флора. Петька оказался неподалеку, и слух у него был отменный. Он не отстал от старушенции, пока она прилюдно не взяла свои слова обратно.

– Приходи! Сегодня должно быть интересно! – Поддержал друга Ленька. Сегодня будут решать кто прав Рыжий из первой девятиэтажки на автобусной остановке и Серега-мелкий. – Эти персонажи были мне практически неизвестны. Может, видела пару раз не более.

– Из-за чего же они поссорились? – Поинтересовалась я.

– Вчера Серега-мелкий на своем велике, проехал по луже около Рыжего и немного обрызгал того. Рыжий назвал его уродом, а мелкий Рыжего – недоразумением и ошибкой природы.

– И всего-то! – Хмыкнула я. – И им разрешат занять поле из-за подобного пустяка?

– Уже разрешили. – Споров сейчас никаких нет, а народ хочет повеселиться, да и сам Куреньков, по-моему, заскучал по работе. – Объяснил Петька.

– Да уж, этот любит свою работенку. – Улыбнулась я, вспомнив невысокого, щуплого заведующего «Поля правды» в его неизменной клетчатой кепке, которая скрывала раннюю лысину.

«Поле правды» располагалось на бывшем стадионе. До эпидемии, как ни странно, он был в запустении, и только после образования Жизнебурга получил свою вторую жизнь.

Идея создать «поле правды» принадлежала моему деду. Однажды ему надоело, что на улицах устраивают потасовки и перебранки, и он издал закон, что если у кого-нибудь возникают разногласия, споры или какие-либо другие конфликты, то конфликтующие стороны должны прийти на поле правды. Мелкие споры решал заведующий полем правды с учетом мнения зрителей, которых на таком мероприятии собиралось довольно много, а серьезные конфликты – сами советники города. Конфликт можно было решить двумя способами: с помощью слов – каждая сторона рассказывала историю конфликта или спора со своей точки зрения, приводила доказательства и т. д. – тогда кто прав, а кто виноват, решали большинство зрителей, заведующий или советники. Обычно к такому методу прибегали женщины, а также соперники, явно отличающиеся по силе. Был и другой способ решения споров – соревнования в силе. Кто побеждал, тот и оказывался невиновным, так как у нас считалось, что правому помогает Бог. Такой вариант был возможен только при одинаковых физических параметрах участников конфликта. Если один из участников отказывался от поединка, то другой имел на весь город объявить соперника трусом. Мужчины обычно выбирали последний вариант, наверное, брала свое природа – стремление к борьбе и соревнованию. До убийства и тяжелых увечий, подобные способы решения конфликтов не доходили. За этим строго наблюдали. Победителем считался тот, кому удалось повергнуть противника наземь и удержать его полминуты. Время отсчитывал сам Куреньков. Для решения споров были выделены определенные дни: для «словесных» конфликтов – понедельник, четверг, а для силовых – среда и пятница. Проводили подобное мероприятие, которое, кстати, называлось «Суд Фемиды» обычно после окончания рабочего дня – часов в семь вечера, чтобы все желающие могли беспрепятственно попасть на это зрелище. Людям нравилось подобное мероприятие, особенно мужчинам. Ведь особых увеселительных заведений у нас не было. Был театр, но он не мог заменить людям щекочущего нервы «Суда Фемиды».

– Ну, так что ты придешь? – Снова спросил меня Петька, так как я так и не дала никакого ответа.

– Обещать не буду. – Ответила я. – Если сильно устану на работе, тогда вряд ли. Честно признаться, я уже немного отвыкла от работы.

– К хорошему быстро привыкаешь. – Хихикнул Петька. – Только я все же предпочел ходить на работу, чем томиться в тех «веселых» заведениях, которые тебе пришлось посетить.

– Это верно. – Согласилась я. – Приятного там мало...

– Ладно, заходите за мной в половине седьмого, тогда точно скажу. – Дала я окончательный ответ.

– Хорошо, жди нас! Обязательно зайдем! – Пообещал Петька. – Эй, друг! – обратился он к коротышке Леониду. – Ты там не уснул? Нам пора выходить! – Автобус со скрипом затормозил. Оба парня подняли вверх удерживающее устройство, и, помахав мне рукой, скрылись за автобусом. Дальнейший путь мне предстояло продолжить одной. Чтобы добраться до работы, мне нужно было проехать еще пять остановок до конечной станции, а потом пройти пешком пару кварталов.

– Скоро снова буду на работе. – Немного с досадой подумала я. Но, решив, что теплая, светлая контора отдела выписки товара, заполненная людьми все же гораздо лучше изолятора или тюрьмы, я улыбнулась и, стряхнув с капюшона капли дождя, поехала дальше...

Глава 9

Большие, пыльные часы, висевшие на свежеекрашенной бежевой краской стене конторы, показывали без десяти восемь. До начала рабочего дня оставалось ровно десять минут. Но все служащие, включая начальника, были на своих местах. Я пришла последняя. Стараясь не привлекать к себе внимания, я попыталась осторожно проскользнуть в дверь и пройти за свой стол, стоявший в углу около противоположной стены. Но остаться незамеченной мне не удалось. Только я перенесла ногу через порог, так сразу же все десять голов – девять сотрудниц и одна начальника повернулись в мою сторону.

– Преступница явилась! – Мелодично пропела Вероничка. За время моего отсутствия, она, кажется, стала еще красивее. Сегодня на ней был красный вязаный свитер, выгодно облегающий ее соблазнительную фигуру. – Сидеть в одной комнате с человеком, побывавшем в тюрьме! Это ужасно девочки! – Наигранно испуганным голосом сказала она. Ее поддержало дружное хихиканье.

– От тюрьмы, по-моему, никому страховку не выдают. – Холодно заметила я. – Кто знает, может, и тебе удастся поесть казенный супец.

– Мне?!! – Возмутилась красавица Вероника. – НИКОГДА! Я законопослушная жительница.

– Никогда не говори никогда! – Улыбнулась я. – Кстати, за вынос вещей из квартир запретной зоны, насколько мне известно, дают месяца три тюрьмы... Хотя пардон, теперь этот срок увеличили до полугода. – Как бы, между прочим, сказала я. Но при этом заметила, как нежно-розовые щечки Веронички побледнели. Я давно подозревала, что симпатичные вещицы в гардеробе Вероники появляются не только из «старых запасов семьи» и наград матери. Она была заслуженным воспитателем, и ее часто награждали косметикой или одеждой, которые чаще всего доставались ее дочке. Но немалая часть гардероба пополнялась из запасов квартир, которые были в заброшенной части города. Они делали подобные набеги с подружками. Но их ни разу не поймали. А не пойман, значит не вор.

– На что это ты намекаешь?!! – Взвизгнула красавица, так резко встав из-за стола, что он сдвинулся с места. – Да ты...

– Прекратить! Рабочий день начался! – Раздался заволаживающе низкий голос Евгения, или попросту Красавчика. – Флора, пройди на свое место! – Приказал он мне. Я была рада его вмешательству и молча прошла на свое место. Открыв окошко в стене напротив своего стола, я достала журнал записей, посмотрела в окно и, увидев первого посетителя, сказала:

– Доброе утро. – Рабочий день начался...

Народу сегодня было много – конец недели – все запасались на выходные продуктами. Ко мне в очередь становились в основном пожилые женщины – у меня хватало терпения с ними общаться еще и на отвлеченные темы. В отличие от своих коллег я никогда не повышала на них голос. Очередь у Веронички состояла исключительно из представителей противоположного пола – естественно, всем хотелось совместить полезное с приятным: принести домой десяток килограммов овощей и поглазеть на шикарную красотку.

Работа была, в сущности, не сложной, но ответственной – нужно было быть очень внимательной – ведь один лишний ноль, и чья-нибудь семья могла остаться без пропитания. В городе был общий продуктовый фонд. То есть все выращенные овощи, фрукты, а также изделия из них сдавались в кладовые города, а потом в течение года выдавались каждой семье, пропорционально работающим членам семьи. Все взрослые старше пятнадцати лет должны были работать. За работу выдавали продукты, необходимые вещи, а также деньги. За деньги можно было сходить в трактир, театр, нанять извозчика, или купить что-нибудь у частников. До пятнадцати лет дети всем обеспечивались в счет работы родителей. Так что иметь много детей было даже

выгодно: работали все одинаково, а продуктов выдавали в зависимости от количества детей. Таким образом, папочка пытался улучшить демографическую обстановку в городе.

У каждой семьи были карточки на основные продукты, а также карточка под названием «Прочее», в которую записывали все остальные товары.

Моей обязанностью было записать в каждой карточке количество продуктов на момент выдачи товара и количество необходимого товара, потом поставить печать, а после этого записать те же данные в «Книгу учета» для каждой семьи. Потом человек с этими карточками шел на склад, где ему выдавали указанное количество продуктов и ставили печать: «Получил». Также был отдел, где потом подсчитывалось количество отпущенных продуктов для каждой семьи. Там же смотрели, нет ли перебора в количестве. Был отдел планирования, где подсчитывалось количество продуктов для каждой семьи, с учетом количества человек и их возраста. Именно в этом отделе и был начальником Максим, или мой Толстячок, как я с улыбкой, его называла про себя...

Я поставила последнюю печать: «К выдаче» и закрыла окно. Обед. После трех недель отдыха я немного устала. Девчонки столпились около стола Вероники и о чем-то шушукались, наверное, обо мне... Но мне было все равно – пусть себе шепчутся на здоровье.

– Куда бы сегодня пойти? – Лениво подумала я. – Может прогуляться к реке? Давно я там не была. Нет. Сейчас там холодно, да и идти далековато...

– У нас новые правила, Флора Дмитриевна! – Услышала я прямо над своим ухом – Красавчик – узнала я по голосу.

– Я слушаю. – Не оборачиваясь, сказала я.

– Время обеда проводить или на рабочем месте или в ближайшей таверне.

– Это для всех или только для меня? – Поинтересовалась я.

– Для всех сотрудниц нашего отдела.

– Нашего отдела... – Повторила я. – Значит, только для меня. Никто из наших сотрудниц дальше таверны никуда и не ходил. Получается, это правило и не сильно их коснулось...

– Получается, что так. – Ехидно сказал Красавчик.

– Твои проделки? – Прошипела я.

– Не я придумываю правила Флора Дмитриевна. Эти, по крайней, мере... – Все так же официально сказал он мне, хотя обычно, как и всех сотрудниц называл меня просто по имени.

– Папуля... Его работа... – Подумала я и сжала от злости кулаки. – Придется поговорить с ним вечером. Это переходит уже всякие границы. В конце концов, я уже взрослая женщина!

– Ты меня не слышишь, Флора? – Сердито шепнул мне Красавчик чуть ли не в ухо.

– Нет. – Призналась я.

– Я говорю, что нам **НУЖНО ОБСУДИТЬ НЕКОТОРЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ. И Я ДОЛЖЕН РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ НОВЫЕ ИНСТРУКЦИИ** – Сказал он чуть громче обычного, особенно выделив последнюю часть фразы. Это означало одно: секс в его кабинете.

– И почему он от меня не отстанет. – С тоской подумала я. – Веронички ему, что ли мало? Вон, какая красotka! Да и остальные девчонки ничего себе! И почему я родилась дочкой советника? Все дело в этом...

– Может, ты мне выдашь инструкции в письменном виде, и не будешь терять на разговоры свое драгоценное время? – Слегка раздраженно сказала я, пытаясь прикинуться, что я не поняла намека.

– Разумеется, я могу выдать вам инструкции и в письменном виде, но, боюсь, вам после долгого отсутствия будет трудно разобраться в них. – Довольно громко сказал Красавчик. – Да, я еще решил, что нужно сделать каждому «Учетному журналу семьи» копию – на всякий случай... Девушки уже приступили к работе по вечерам, после рабочего дня... Я хотел бы, чтобы Вы продолжали выполнять порученную ранее работу на дому, но для этого нужно, чтобы вы хорошо разобрались с инструкциями. В противном случае, я поручу ее кому-нибудь другому,

а Вы будете делать вечером копии... – Равнодушно сказал Красавчик, но я-то видела напряжение в его глазах.

Домашней работы, естественно, не было. Это была небольшая уловка, которую он изобрел, чтобы освободить меня от всякой дополнительной работы. Похоже, я могла ее лишиться. Сидеть же здесь по вечерам над ненавистными журналами у меня не было ни малейшего желания. Хотя, может, это и не так плохо, если я смогу избавиться от Красавчика. Задумавшись, я оглянулась, и мой взгляд упал на Веронику – та просто буравила меня своими небесно-синими глазами. Если я сейчас скажу: «нет» – вот кому это доставит огромную радость. А мне не хотелось доставлять этой смазливой стервочке ни малейшего удовольствия. Все решилось само собой:

– Я встала и громко, так чтобы услышала Вероничка, сказала:

– Я уверена, что ваши инструкции очень пригодятся мне в работе, и мы ПРОДУКТИВНО проведем время. – Красавчик улыбнулся и, как мне показалось, вздохнул с облегчением.

– Тогда в кабинет. – Сказал он своим обычным завораживающим голосом и вышел из рабочей комнаты. Я не торопясь, последовала за ним. Уже за дверью меня догнали слова Веронички, в которых притаились ненависть и отчаяние:

– Уродина! Гадина! Тварь!

Похоже, она не на шутку любила этого самодовольного смазливового болвана.

Я прошла по узкому коридору и остановилась перед дверью, с металлической табличкой, на которой было написано: «Ведущий специалист отдела снабжения населения – Карстов Евгений Сергеевич». Мы зашли в кабинет, закрыв изнутри дверь на щеколду. Красавчик сел на край стола и стал смотреть на меня в упор.

– Что-то ты сегодня в плохом настроении. – Сказал он. – Думал, уже, что не пойдешь со мной.

– Я не слишком настроена на любовные игры – голова болит. – Соврала я.

– Ничего. После этого ничего болеть не будет. – Я промолчала. Сказать мне было нечего. Единственное, что хотелось, чтобы поскорее все закончилось. Сняв свои запатанные джинсы и трусики, я легла на знакомую кушетку, стараясь не смотреть на великолепный образчик мужской красоты, стоящий около стола. Не смотря на то, что он был очень привлекателен, этот красавец-мужчина был мне неприятен. Скорее всего, из-за его самодовольства, которое, казалось, насквозь пропитало каждую молекулу его тела. Он просто светился от сознания своего совершенства. И я думаю, Евгений Карстов нисколько не сомневался, что доставляет мне неслыханное, ни с чем не сравнимое удовольствие...

Красавчик расстегнул широкий кожаный ремень на своих темно-синих джинсах, плотно облегающих стройные, мускулистые ноги. Расстегнул молнию. Приспустил плавки. Привычным движением достал из кармана пакетик с презервативом, разорвал тонкую упаковку и быстрыми, уверенными движениями надел его на свое уже готовое к совокуплению мужское достоинство... Я все это видела очень четко, хотя смотрела не на Красавчика, а на лепнину, украшавшую потолок. Просто всегда все было одно и то же – каждое движение повторялось, как в надоевшем кошмаре. Я знала их наизусть. Одев «своего друга» в латексный комбинезончик, Красавчик раздвинул мне ноги, и спустя мгновение я почувствовала резкий толчок, сопровождающийся болью и быстрые движения где-то в глубине тела. Закусив губу, я смотрела на потолок и медленно считала. Обычно все заканчивалось, когда я успевала досчитать до семидесяти трех. На этот раз мне повезло: не успела я добраться до сорока семи, как движения лежащего на мне мужчины стали настолько часты и сильны, что я начала серьезно беспокоиться за целостность своего тела. На сорока девяти последовал самый сильный толчок, и Красавчик обмяк, придавив меня тяжестью своего тела.

– Встать, ты меня сейчас придавишь!!! – Еле дыша, прохрипела я и для убедительности попыталась его толкнуть. Впрочем, это было примерно тоже самое, если бы я решила сдви-

нута с места слона – Красавчик, по сравнению, со мной был тяжеловат, и меня бесило, что он всей своей массой ложился на меня. Красавчик приподнялся на локтях. Этого было достаточно, чтобы я могла выскользнуть. Быстро натянув на себя недостающую одежду, я направилась к двери.

– Уже уходишь? – Немного разочарованно спросил Красавчик.

– Думаю, времени для инструкций было уже достаточно. – Холодно сказала я. – Что будут думать про нас другие сотрудники?

– Не думаю, что тебя это волнует. Впрочем, и так все знают. – Зевнув, сказал он и бросил использованный презерватив в ведро для мусора. Не удостоив Красавчика больше ни словом, я вылетела из кабинета.

– Действительно, меня не интересовало, что думают об этом другие. Хотя нет. Существовал человек, мнение которого мне было не безразлично. Вернее, я бы хотела, чтобы он вообще ничего не знал обо мне и Красавчике. Но Максим знал. Однажды он увидел, как я выходила из кабинета Красавчика, и все понял – это было заметно по его глазам. Они внезапно погрузнели и в них пропали веселые огоньки, которые мне так нравились... Помню, тогда мне даже стало как-то не по себе. Наверное, это чувство называется стыдом. Хотя, ничего запретного я не делала. Я была свободна, хозяина у меня не было, и я могла проводить время с кем угодно. Но с тех пор, я старалась, чтобы мой Толстячок не встретил меня с Красавчиком...

Вспомнив о Максиме, я поняла, что хочу видеть его прямо сейчас, немедленно. Только сейчас до меня дошло, что я по нему ужасно скучаю. Решив не откладывать встречу на потом, я забежала в нашу опустевшую во время обеда комнату, взяла мешочек с провизией и отправилась в соседнее крыло здания – в отдел планирования.

У Максима, как у начальника отдела планирования, был отдельный кабинет. Я решила постучаться, хотя обычно входила без стука. Две недели все-таки немалый срок, возможно, у него появилась новая подружка. Было бы жутко неудобно помешать им в самый «ответственный» момент. Честно признаться, мысль о том, что у Толстячка может появиться подруга, оставила где-то в душе неприятный осадок. Чтобы поскорее решить свои сомнения, я громко постучала.

– Входите! – Раздался из-за двери знакомый голос. Я повернула ручку и вошла в небольшую светлую комнату. Около окна стоял большой стол, на котором аккуратными стопками расположились папки с расчетами, планами и т. д. Напротив двери стоял большой шкаф, до отказа заполненный все теми же папками. Около шкафа, спиной к двери стоял высокий, немного полноватый мужчина в сером свитере и черных, идеально отглаженных брюках. Он держал в руках какой-то лист бумаги, который, видимо, извлек из раскрытой папки, лежавшей на массивной тумбочке, притулившейся рядом со шкафом. Я захлопнула за собой дверь. Максим, а это был именно он, обернулся, чтобы взглянуть, кто пришел:

– Флоруся! – Обрадовался он и чуть не выронил листок, который держал в руках. – Проходи, садись! У меня здесь беспорядок... – Смущенно сказал он, махнув рукой в сторону аккуратных стопок бумаг и папок. – Конец года, отчеты...

– Ты еще моего стола не видел! – Рассмеялась я. – У тебя здесь просто идеальная чистота. Я даже не знаю, смогу ли здесь пообедать – страшно насорить.

– Какая ерунда! – Шутливо возмутился Максим. – Должны же мы думать о братьях наших меньших – тараканах? А то вся их еда – бумага, да канцелярский клей... Нужно расширить меню... Сейчас поставлю чай. – Он разжег маленькую спиртовку, на которой подогревал воду для чая. Я в это время достала из тумбочки блюдца, чашки, и баночку с сухими перетертыми листьями смородины, малины и душицы. Максим освободил половину стола, и я смогла расставить приборы для нехитрого чаепития.

– Пироги! Они у тебя всегда очень вкусные.

– Только пеку не я – тетя Полина. Она меня учила, учила... Но у меня все равно выходит что-то не съедобное! – Вздохнула я.

– Поверь, я съел бы абсолютно все, чтобы ты ни приготовила! – Заверил меня Максим.

– Ловлю на слове! В воскресенье у меня опять урок по кулинарии, так что в понедельник принесу свою стряпню! И только попробуй не изобразить блаженство от нежнейшего вкуса моих пирожных! Тетя Полина будет учить меня стряпать эклеры.

– Жду с нетерпением понедельника! – Улыбнулся мой Толстячок. – Да, у меня тоже кое-что с собой есть. Правда, не такая вкуснятина, как у тебя, но все же, я думаю, сойдет. – С этими словами, он достал из пакета, стоявшего на подоконнике – несколько бутербродов с ветчиной, сыром и ломтиками соленых огурцов, а также домашнее печенье с вареньем.

– И ты еще говоришь, что у тебя менее вкусно?! – Возмутилась я. – Да от одного вида твоих бутербродов у меня уже слюни начинают течь! А эти твои печенье просто объедение! Кто, у тебя, кстати, печет такую вкуснятину? – Спросила я и, не утерпев, отправила одну штучку в рот.

– Вообще, мастер-кулинар у нас мама. Но это печенье я спек сам.

– Сам?! Без всякой помощи? – Поразилась я, с наслаждением пережевывая нежное песочное печенье.

– Да. Иногда я люблю что-нибудь приготовить. Я рад, что тебе нравится.

– Очень! – Честно призналась я. – Надеюсь, твой рецепт – это не секрет за семью печатями? Я бы хотела, чтобы такое печенье хоть изредка появлялось и на нашем столе.

– Вовсе не секрет. Я потом напишу его рецепт... А вот и чайник закипел!

Я быстро насыпала в кружки по две чайных ложки сухой травяной смеси, а Максим залил ее крутым кипятком. По комнате сразу разнесся удивительный аромат леса... Мы приступили к обеду. Ели сначала молча. Максим задумчиво жевал бутерброд, время от времени, поглядывая на меня.

– Я очень рад тебя видеть Флоруся... – Тихо сказал он. – Думал, что не увижу тебя еще, как минимум, неделю.

– Почему? – Удивилась я.

– Решил, что отдохнуть будешь...

– С папочкой отдохнешь... – Усмехнулась я. – А если бы я и не пришла на работу, мог бы и дома меня навестить. Вроде бы недалеко живешь... – Пожурила я Максима.

– Ну... Может, это было бы не совсем удобно?... – Запинаясь, сказал он.

– Что тут неудобного? – Пожала я плечами. – Папочка, я думаю, будет рад.

– То есть я могу иногда за тобой заходить?

– Ну конечно! – Рассмеялась я. – Поверь мне, дома у нас никто не кусается. И хотя у меня четверо братьев-верзил, они совершенно безобидны!

– Ладно, теперь тебе от меня не отделаться! Буду все время стоять у тебя под дверьми! – Пошутил Максим, а потом серьезно добавил – Я хотел тебя навестить в... – Он запнулся, и я ему помогла.

– В тюрьме.

– Да... В тюрьме... Как-то это слово не вяжется с тобой. Но меня, увы, не пустили.

– Такие правила... Даже бабулю не пускали! Как сказал мне один из стражников: «Это тюрьма, а не дом свиданий!» – Сказала я, стараясь скопировать голос тюремщика. Кажется, у меня это получилось, так как мы оба рассмеялись. Время обеда подбиралось к концу. Вернее, оно почти закончилось. Осталась ровно минута.

– Ой! Мне пора бежать! – Вскочила я со стула. Я не любила опаздывать. – Давай, я быстро помогу тебе все убрать. – Предложила я.

– Ну что ты! Я без рук что ли? Сам все уберу. Беги! – Сказал он, но придержал меня за руку. – Сегодня вечером тебя можно будет куда-нибудь пригласить?

– Я собиралась на поле правды. Если тебя интересует битва Рыжего и Мелкого, можешь присоединяться! – Рассмеялась я.

– С тобой я готов смотреть на что угодно, даже на канкан в исполнении вышеупомянутых субъектов! – Улыбнулся Максим и, поцеловав мне руку, отпустил... Я стрелой вылетела из его кабинета. До конца перерыва оставалось ровно пятнадцать секунд, а опоздания в конторе, да и во всем нашем начинающем медленно возрождаться городе, не приветствовались...

Глава 10

Моя жизнь медленно вошла в свою колею. Утром я просыпалась, ходила на работу, участвовала в отчаянных перебранках с Вероничкой и ее подружками, старалась скрыться от Красавчика, а потом возвращалась домой. Все продолжалось по-прежнему, хотя нет... Кое-что изменилось. Максим сдержал свое слово и однажды вечером пришел ко мне домой, чтобы пригласить на вечернюю прогулку. Я его не ждала, и дверь моему Толстячку открыл папочка, который только что вернулся домой. Думаю, папуля на какой-то момент потерял дар речи, увидев на пороге молодого человека внушительных размеров с огромным букетом хризантем. Максим тоже растерялся и несколько мгновений они стояли молча, разглядывая друг друга. Ситуацию спасла бабушка, вышедшая из гостиной посмотреть, кто пришел:

– Максим! – Воскликнула она с самой радушной улыбкой. – Проходи, проходи! Рады тебя видеть! – И осторожно оттолкнула папочку от входа. Папуля, наконец, осознал, что молодой человек не ошибся дверью. Он даже догадался, что это и есть тот самый сын Кириллова, которому при благоприятном стечении обстоятельств удастся сплавить перезрелую дочку.

Тут папа превзошел сам себя. На его лице появилась милейшая улыбка Бармалея, который на завтрак обнаружил парочку вкусненьких детишек, а голос приобрел самые дружелюбные интонации. Все это я видела с верхней лестничной площадки и была крайне удивлена поведением своего отца.

– Максим Александрович! – Красивым баритоном почти пропел папа. – Очень рад вас видеть в нашем доме! Располагайтесь! Флора сейчас придет. А вот и она! – Чуть ли не промурлыкал папочка, увидев, как я спускаюсь по лестнице.

– Неужели я так надоела папуле, что он готов отдать меня в руки первого встречного? – Раздраженно подумала я. Но вся моя злость испарилась, когда я увидела смущенного Максима, неуклюже стоящего посреди прихожей с охапкой цветов.

– Привет! – Ободряюще улыбнувшись, сказала я. – Очень красивые цветы!

– Это тебе. – Покраснев, еле слышно сказал Максим и протянул мне букет.

– Спасибо, я сейчас же поставлю эту красоту в вазу. – Я практически слетала на кухню за вазой, налила воду и отнесла цветы в гостиную. Вернувшись, я увидела, что Максим все еще стоит посреди прихожей в окружении папочки и бабули.

– Что же ты все еще здесь стоишь? Неужели тебя не пригласили войти? – Удивилась я.

– Похоже, молодой человек решил пригласить тебя на прогулку. – Улыбнулась бабуля.

– Замечательно! Я мигом оденусь! – Крикнула я и убежала одеваться в свою комнату. Когда я спустилась вниз, Максим что-то увлеченно рассказывал бабушке. Как оказалось, они мило беседовали о полезных свойствах зверобоя. Папочка тоже стоял рядом и довольно успешно делал заинтересованный вид. Хотя, я точно знаю, что меньше всего на свете его интересовала какая-то там трава, растущая в лесных дебрях.

– Я уже готова!

– Ну, тогда мы, пожалуй, пойдем... Было очень приятно познакомиться... – Окончательно смутившись, сказал Максим. – До свидания.

– Не торопитесь прощаться, молодой человек! – Рассмеялась бабушка. – Сегодня холодно – зима, того и гляди, к нам пожалует, долго гулять не будешь – замерзнете. Так что приходите к нам на ужин.

– Э... – Растерянно начал Максим.

– Он обязательно придет. – Пришла я ему на помощь. – Я за этим прослежу.

– Будем с нетерпением ждать. – Вставил свое слово папочка, и мы вышли на улицу. Было уже совершенно темно. Улица освещалась лишь неярким светом, падавшим из окон домов. Я

взяла Максима под руку, чтобы не упасть, так как почти ничего не видела, а Максим утверждал, что видит также хорошо, как и днем.

– Ты понравился папе и бабушке. – Сказала я, уверенная, что им понравился бы даже черт с пятачком вместо носа и хвостом с кисточкой на конце, если бы он проявил хоть малейшую заинтересованность к моей особе.

– Они мне тоже... Впрочем, они мне нравились даже до сегодняшнего вечера. Я-то их знаю. Папу твоего сама понимаешь трудно не знать. А к твоей бабушке я даже ходил на лекции по лечебной травологии.

– Неужели? Ты ходил к бабушке на лекции? Почему же ты мне не рассказывал? – Удивилась я.

– Ну, это было давно... Тогда мы еще с тобой даже не были знакомы... И я... Я думал, что тебе может показаться странным, что мужчина увлекается растениями.

– Что тут странного? А наш Фрол? Он же на своем огороде и в теплице круглые сутки проводит! – Пожала я плечами. – А ты что-нибудь помнишь из бабушкиных лекций?

– Абсолютно все! – Улыбнулся Максим. – Благодаря Марине Александровне, дома я теперь в некотором роде врач. У нас так шутят: папа лечит душу, а сын тело... Ну, конечно, я не могу сравниться с настоящим врачом, тем более с твоей бабушкой, но знаю, какое растение поможет при самых простых болезнях – ангине, гипертонии и тому подобное.

– Сейчас мне самое время сгореть от стыда. – Хихикнула я. – Я живу с бабушкой уже бок о бок почти двадцать семь лет, а знаю только, что если болит горло, то его нужно полоскать ромашкой лекарственной – и все! В остальных случаях, когда я болею, бабушка приносит мне в кружке отвар, и говорит – пей. Я пью, и даже не задумываюсь, что пью, и как мне это поможет.

– У всех разные интересы... – Успокоил меня Максим. Мы шли вдоль старых, ржавых рельсов в сторону бывшего трамвайного кольца. С одной стороны от нас тянулась длинная пятиэтажка. Теперь, когда жилья было больше, чем людей, каждая семья могла занимать целый подъезд, а если была особенно большой, то и два подъезда. По другую сторону от рельсов, когда-то стояли полуразвалившиеся двухэтажные деревянные домики. Когда мне было лет пять, по распоряжению отца их все снесли, и теперь на том месте были огороды. Ветхие двухэтажные дома снесли во всем районе. На расчищенных площадях жители близлежащих домов разбивали огороды и сады. Особо изобретательные строили теплицы и зимой подрабатывали, продавая, свежую зелень, огурцы, помидоры, ягоды. Было много и экспериментальных теплиц, которыми руководил бывший учитель Фрола и Лизки – Журавлев Иван Филиппович. Его сотрудники специализировались не только на выведении новых сортов овощей, но и продолжали выращивать в теплицах некоторые фрукты, которые раньше проще было привезти из теплых, южных стран. Именно Журавлеву, который был студентом биологического факультета, когда случилась эпидемия, пришла в голову мысль сохранить для потомков всю прелесть южных фруктов. Он тогда, не жалея сил, прошел все магазины и рынки города, в поисках семян или какого-либо другого растительного материала, из которого можно было бы возродить все эти фрукты. Жители уральского холодного городка до сих пор могли изредка увидеть у себя на столе апельсины, мандарины, черешню, персики, абрикосы, и даже бананы, ананасы, киви. Конечно, это было очень редко и в очень небольших количествах – урожай этих плодов строго поровну распределялся между всеми жителями города. Но много в теплицах не вырастишь. Тем более, эти фрукты все же не считались основными продуктами, и поэтому на их выращивание «бросали» меньше сил.

В воздухе закружились мохнатые снежинки – первые вестники зимы. Мы дошли до бывшего трамвайного кольца, окруженного белыми пятиэтажными домами. Теперь, когда лифты не работали, на последних этажах селились любители спорта или весь подъезд занимала одна большая семья, устраивая на последних этажах что-то вроде кладовых.

– Опять зима... – Передернув плечами от холода, сказала я. – Не очень-то люблю это время года. Холод и тьма, тьма, тьма. Встаешь утром – темно, приходишь домой – темно. Свет видишь только по выходным! Мне даже как-то непривычно выходить днем в выходные на улицу!

– Сейчас еще не все так плохо! Зима длится всего три месяца. До декабря еще тепло, а в начале марта снег тает – и добро пожаловать лето! – Улыбаясь, сказал Максим.

– И, правда! Даже не знаю, как раньше здесь люди жили! – Поддержала я своего спутника. – Бабушка говорит, что еще лет пятьдесят назад зима начиналась еще в ноябре, а снег мог выпасть и в июне! А большую часть летних месяцев лил дождь. Сейчас если лето вступило в свои права, то не уступит ни дня своей сопернице – зиме.

– В общем, в плане климата на Земле стало жить явно благоприятней. – Подвел итог Максим и вовремя поддержал меня под руку, иначе бы я растянулась посреди небольшой площади, поскользнувшись, на свежей корочке льда, покрывшей лужу.

– Спасибо. Теперь я не отпущу тебя до самого дома. Будешь охранять мое тело от синяков. – Рассмеялась я.

– С удовольствием. – Сказал Максим, крепче сжал мою руку, и мы повернули в сторону моего дома, чтобы не опоздать на ужин.

Глава 11

После ужина, на котором Максим познакомился со всеми моими домочадцами, он стал нашим частым гостем. Бабушке нравился его добрый, спокойный характер и интерес к травам, папочка уважал его за ум и порядочность, Полина просто души в нем не чаяла, а братья молча его одобрили и приняли в свою компанию. Можно сказать, что семья успокоилась относительно моего будущего и все в скором времени ожидали, что Максим Кириллов попросит меня стать своей хозяйкой.

Даже я свыклась с мыслью, что скоро буду связана с «моим Толстячком» до конца дней. Мне даже казалось, что я люблю его – мне было приятно видеть его, обсуждать какие-нибудь события, даже просто молчать с ним было не трудно, а естественно. Ну а что касалось телесных наслаждений... Я уверила себя, что все это ерунда, и не столь важно. А возможно, я и получаю то несказанное удовольствие, о котором болтали некоторые девицы в нашем отделе, не зная об этом. В общем, я тоже была абсолютно уверена, что Максим через полгода – время, которое требовали выдержать приличия от первого знакомства с родителями будущей хозяйки, заберет меня к себе в дом в качестве своей второй половины.

То, что я буду должна покинуть свой дом, немного огорчало меня, но таковы были правила – хозяйка всегда переходила в дом хозяина. Я тоже познакомилась с многочисленной семьей Максима: его матерью, отцом, четырьмя братьями и тремя сестрами. Максим был предпоследним в семье. Младше его была только одна из сестер. Почти все братья и сестры успели обзавестись семьями, поэтому в клане Кирилловых было достаточно много народу. Первое время я никак не могла всех запомнить и боялась перепутать имена. Наверное, я показалась родственникам Максима весьма молчаливой, замкнутой, а может и слишком высокомерной особой оттого, что почти ничего не говорила, так как мне просто не о чем было с ними говорить. Но, видимо, дочке советника это прощалось и все со мной были приветливы и добры.

Встречи с Красавчиком были редки, но все равно продолжались. Раз сто я хотела поставить точку в наших бесперспективных, совершенно ненужных мне отношениях, но, встретившись с презрительным взглядом Веронички, ноги сами несли меня к кабинету моего начальника. К счастью, в конце года на него наваливалось столько работы, что о плотских утехах ему думать было практически некогда. К своему большому удивлению, я узнала, что из всех своих пассий, по крайней мере, в нашем отделе он успевал выкроить время только для меня. В стороне осталась даже прекрасная Вероника. Однажды в обеденный перерыв, я увидела, как в пустом кабинете она что-то шептала Красавчику на ухо, держа его за рукав теплого шерстяного свитера, который собственноручно связала ему. Нетерпеливо махнув рукой, немного раздраженно Красавчик сказал:

– Ника, ты же знаешь, что сейчас у меня слишком много работы, я не могу провести с тобой даже пары минут! У меня их просто нет! Ни в рабочее время, ни после! Ухожу я отсюда чуть ли не в полночь. Добираюсь до дома в лучшем случае к часу – падаю замертво в постель, чтобы встать в пять утра и опять идти на работу. Подожди пару недель, когда я сдам все отчеты!

– Но для этой страхолюдины ты всегда находишь время! – Выкрикнула Вероника. – И не говори, что ты вчера читал ей инструкции в своем кабинете! – Ее пухленькие губы предательски задрожали, а глаза заблестели от набежавших слез.

– Я не желаю обсуждать с тобой эти вопросы. – Холодно сказал Красавчик. – Я пока еще свободный человек и имею право проводить свое время, как захочу и с кем захочу. Тебе я говорю – подожди, пока у меня появится свободное время. Если тебя это не устраивает – что ж... – Он развел руками. – Я не последний мужчина в Жизнебурге. – С этими словами он вылетел из кабинета и, что-то сердито бурча себе под нос, не заметив меня, пронесся мимо.

Вероника рыдала в три ручья, размазывая по щекам грязно бурые пятна, получившиеся от смещения туши, теней и румян. Мне ее стало даже жаль. Я вошла в кабинет и хотела предложить ей свой носовой платок. Но когда эта красавица сквозь реку слез разглядела меня, ее лицо исказилось от злобы, и она почти по-змеиному зашипела:

– С-ка! Потаскуха! Уродина! Пользуешься тем, что твой папаша советник. Иначе бы ни один мужик на тебя не залез! – И она явно хотела вцепиться мне в волосы. Я слегка отклонилась и, схватив ее руки за ладони, слегка вывернула их – это был мой коронный прием. Если удавался хороший захват, я могла справиться даже с братьями – ведь не могли же они бить сестру ногами!

– Успокойся! – Твердо сказала я. – И замолчи!

– Отпусти, с-ка! Отпусти! – Завыла Вероника. – Я тебе все твои жидкие волосенки повыдергаю. – Я заломила ладони посильнее. – Вероничка еще сильнее взвыла от боли и рухнула на колени. Теперь она уже только выла, раскачиваясь из стороны в сторону. В кабинет ворвался Красавчик:

– Вы что тут устроили! – Закричал он и замолчал, увидев странную картину: я держу Вероничку за руки (так это смотрелось со стороны), а она, растрепанная и опухшая от слез стоит на коленях и дико воет.

– Что тут происходит? – Спросил он, наконец, придя в себя. Я отпустила Веронику и та, растянувшись на полу, забилась в судорогах – видимо, у нее началась истерика.

– Ничего. – Спокойно сказала я, хотя все мое тело била мелкая дрожь. – Мы просто устроили маленькое соревнование. Кажется, я выиграла. – С этими словами я вышла в коридор и отправилась в трактир, где меня ждал Максим.

Какими же дурами, мы, женщины, иногда бываем. Ведь Вероничке сейчас только стоило взять у меня протянутый ей платок. Пару раз высморкаться в него. И, прошептав с печальным вздохом, как сильно она любит этого смазливового болвана, сказать несколько слов о том, что она была ко мне не справедлива, ну или хотя бы притвориться, что испытывает ко мне что-то похожее на дружеские чувства, и она навсегда бы избавилась от соперницы. Я бы тогда сейчас же пошла к Красавчику и сказала, чтобы он и думать забыл о своих инструкциях. Но она этого не сделала, а наоборот, своими оскорблениями добавила во мне злости и решимости досаждать ей как можно дольше... Я даже почувствовала некоторое удовлетворение оттого, что у меня еще есть достаточно времени. Ведь до тех пор, пока я стану хозяйкой Максима, я могла бы еще сильно потрепать этой красивой психопатке ее и так никудышные нервы.

Глава 12

Было ветрено и колючие мелкие снежинки больно били по лицу. Я опоздала на последний автобус и теперь шла на бывшую центральную площадь города – там ждали своих пассажиров извозчики.

Мне еще повезло – я ушла только на час позже – Красавчик отпустил. А остальные до сих пор корпели при тусклом свете масляных ламп, над грудями бумаг. Максим тоже сегодня должен был работать до поздней ночи. Скорее всего, он там и ночевать останется... Я подняла повыше шарф и ускорила шаг. Уже совсем стемнело. Прохожих было мало. Все либо уехали домой, либо сидели в своих конторах. Я почти бежала по широкой темной улице, подгоняемая холодным ветром.

Вдруг метрах в двадцати от меня показалась фигурка человека, еле различимая из-за снега. Было что-то знакомое в легкой, уверенной походке... Я пригляделась – и разглядела черную пушистую шубу.

– Бабушка! – Осенило меня. – Бабушка! – Уже крикнула я, но она меня не услышала, продолжая все так же быстро идти. Я тоже ускорила шаг, но все равно не могла сократить расстояние, отделявшее меня от нее.

– Что она тут делает? Так поздно? В это время она уже обычно дома. – Подумала я. – Лекции тут читать негде... Больницы тоже поблизости нет... Не вызвали же ее в какой-нибудь мед. пункт? Для этого и дежурные врачи есть. Ладно, догоню ее тогда и спрошу. Наверное, она тоже идет на площадь. Вот хорошо! Хоть не одной ехать! – Обрадовалась я. – Но тут бабушка свернула с бывшей центральной улицы на одну из боковых.

– Куда это она? – Удивилась я. – Там же совсем делать нечего. Несколько административных зданий и склады... – Я тоже повернула и побежала вслед за бабушкой. Та уверенной походкой шла навстречу ветру и похоже не испытывала никаких неудобств. Впереди замаячил оббитый фанерой бывший вход в метро. Сейчас никто из жителей Верхнего Жизнебурга этим транспортом не пользовался, хотя я слышала, что электрички до сих пор ходят.

– Ну, куда же она? – С досадой подумала я, так как уже порядком замерзла, устала и мне хотелось как можно быстрее оказаться дома – на теплой кухне в обнимку с горячей кружкой чая. Бабушка тем временем подошла к фанерной двери входа в метро, толкнула ее и вошла внутрь, скрывшись из моего поля зрения.

– Может, это вовсе и не бабушка? – Закралась у меня мысль. – Возможно, я ошиблась? Зачем бы бабушка полезла под землю? Хотя, официально никому не запрещалось спускаться в Нижний Жизнебург, но все знали, что советники не одобряют тесного контакта с жителями Нижнего. Поэтому метро, промышленные территории и склады – места, где был расположен Нижний Жизнебург, негласно считались запретной зоной. Впрочем, желающих спускаться туда и не было – люди, выросшие под солнцем, боялись оказаться под толщей земли... Спускались туда только по необходимости – в дни обмена.

Я остановилась около фанерной двери. Она была покрыта инеем и из темноты таинственно выходили клубы пара...

– Идти, или не идти? – На мгновение задумалась я. – А что, если это не бабушка? Как я буду выглядеть, когда, наконец, догоню эту женщину? А если это все-таки бабушка, то вдруг ей понадобится помощь? – Больше я не раздумывала и, отворив дверь, шагнула в темноту. Моя решимость улетучилась, сердце колотилось от страха – я боялась темноты. Тем более, когда не знала, что может ожидать меня впереди.

– Ну, же вперед! – Подбодрила я себя. А кто-то осторожный и рассудительный внутри меня сказал:

– Не лучше ли уйти? Опять попадешь в какую-нибудь передрагу. В тюрьме понравилось сидеть? – Ехидно закончил голос. Но любопытство и беспокойство за бабушку переселили страх. Я нащупала перила и стала осторожно спускаться по ступеням вниз, утешая себя, что официального запрета на Нижний Бург нет. Спускалась я довольно долго, так как ничего не видела. Когда лестница закончилась, я разглядела стеклянную дверь, через которую пробивался тусклый свет лампы. Толкнув тяжелую дверь, я вошла в следующее помещение. На потолке горела одна единственная лампа, свет которой освещал внушительные гранитные стены, странные турникеты и лестницу, уходящую в глубину... Вокруг не было ни души... Куда же подевалась бабушка или та женщина, которую я приняла за нее? С опаской, я прошла через «турникет», так как боялась, что они до сих пор могут работать. Я знала, как они действовали: в отверстие на передней панели нужно было опустить жетон, а потом можно было спокойно проходить. Если идти, не опустив жетон, тогда резко опускались две планки, преграждая путь, а то и прищемив нарушителя. Это мне рассказала бабушка. К счастью, я прошла спокойно, пропускная система теперь не работала. Почти сразу за турникетом начиналась длинная лестница, конец которой терялся в сумерках... Раньше эта лестница двигалась сама – на нее только стоило встать, и она сама опускала тебя вниз на станцию. Я встала на первую ступеньку – лестница осталась неподвижна.

– Что ж, придется спускаться самой. – Решила я и начала осторожный спуск. Когда я была почти в самом конце лестницы, из глубины тоннеля раздался непонятный гул, нарастающий с каждой секундой. Я замерла на месте, ошеломленная шумом, но потом немного успокоилась – должно быть это и есть электричка... Значит, они и в самом деле до сих пор ходят!!! Я вышла на станцию... Каменные колонны, блестящие холодные стены... Противоположный конец станции терялся во мраке. Она тоже была освещена одной единственной лампой. Шум вырвался из одного из тоннелей, закрытого металлической стеной с дверями, которые одновременно распахнулись, залив станцию светом, падающим из вагонов. На другом конце станции я увидела едва различимую фигуру бабушки. Теперь я точно была уверена, что это она! Бабушка вошла в вагон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.